

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический
институт

Уголовного права
кафедра

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

_____ А.Н. Тарбагаев
подпись инициалы, фамилия

« ____ » _____ 20 ____ г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 – Юриспруденция
код – наименование направления

Уголовно-правовая регламентация состава преступления, предусмотренного

ст.205.2 УК РФ
тема

Руководитель _____
подпись, дата

доцент, к.ю.н.
должность, ученая степень

Г.Л. Москалёв
инициалы, фамилия

Выпускник _____
подпись, дата

Е.С. Фролова
инициалы фамилия

Красноярск 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. Уголовно-правовая регламентация состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ.....	7
1.1. Объект преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ	7
1.2. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ	17
1.3. Субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ	41
2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма в международном уголовном праве	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	74

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, обусловлена тем, что терроризм относится к числу опаснейших глобальных угроз современности. Как было справедливо замечено Н.Н. Лысовым, «вал терроризма во всем мире обуславливает необходимость столь же активного противодействия ему, а это, в свою очередь, предполагает его интенсивное изучение»¹.

В настоящее время, когда информация превратилась в мощную силу, используемую в борьбе за массовое сознание, а общество претерпевает серьезный кризис нравственных и духовных ценностей, агитация, пропаганда, убеждение и иные формы манипуляции превратились в основные методы террористической деятельности. Культивируя в обществе идеи о допустимости, правильности и необходимости совершаемых ими преступлений, террористические организации ежедневно лишь укрепляют свои и без того мощные финансовые, кадровые и организационные ресурсы и расширяют масштабы своей деятельности. Серьёзно усугубляет ситуацию по-прежнему сохраняющаяся во многих правопорядках тенденция недооценивать криминогенный потенциал террористической пропаганды и ориентированность на ликвидацию последствий произошедших террористических преступлений, но не их превенцию.

Многолетний опыт, накопленный мировым сообществом, свидетельствует о том, что наиболее перспективной стратегией борьбы с проявлениями терроризма является предупреждение и пресечение действий, которые создают условия для совершения преступлений террористического характера². Для реализации данной стратегии, в частности, была принята Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 16 мая 2005 г. в

¹ Лысов Н.Н. О публичных призывах и публичном оправдании терроризма // Вестник Северо-Кавказского Федерального Университета. №.6. 2013. С.226.

² Шабзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма: дис. ... канд.юр.наук. : 12.00.08 / Шабзухов Заурбек Амурбекович. Москва, 2012. 181 с.

Варшаве, установившая обязанность для стран-участниц ввести в национальном законодательстве уголовно-правовой запрет на действие, создающее почву для совершения террористических преступлений путём информационного воздействия на сознание общественности, — публичное подстрекательство к совершению террористического преступления. Так, Уголовный Кодекс Российской Федерации был дополнен ст.205.2 УК РФ.

В этой связи исследование признаков состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, — основного инструмента в борьбе с «информационным оружием» терроризма, представляется делом принципиальной важности. Выявление спорных и проблемных вопросов квалификации деяний, предусмотренных ст.205.2 УК РФ, анализ доктринальных положений и разработка на их основе предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за публичные призывы к террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма являются первостепенными, базовыми и необходимыми мерами противодействия террористическим угрозам.

Говоря о **степени изученности и разработанности темы**, следует отметить, что несмотря на то, что особенности уголовно-правовой регламентации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма вызывают большое количество дискуссионных вопросов и спорных моментов, посвящённые им работы очень немногочисленны. Все имеющиеся публикации по данной теме небольшого объема и преимущественно представлены научными статьями. Исследованием признаков состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, и разработкой теоретических положений по теме занимались такие учёные как: А.А. Кунашев, А.П. Агапов, М.П. Пронина, А.В. Корнилов и др. Отдельно следует отметить правоведов А.Н. Тарбагаева и Г.Л. Москалёва, А. Кибальник и И. Соломоненко, И.В. Щерблыкину и Д.С. Степина, М.Г Фролова, внёсших вклад

в выявление и исследование проблемных вопросов квалификации преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ. Наиболее комплексно вопросы уголовно-правовой регламентации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма были раскрыты в диссертации З.А. Шибзухова, где также был проведён сравнительный анализ положений ст.205.2 УК РФ и ст.5 Конвенции Совета Европы, что представляется важным с точки зрения перспектив развития национальной уголовной нормы.

Целью данной бакалаврской работы является комплексное и всестороннее исследование признаков состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. исследовать законодательство, регламентирующее публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма
2. изучить доктринальные положения по теме;
3. проанализировать судебную практику по ст.205.2 УК РФ;
4. определить содержание основного непосредственного объектов преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ;
5. установить признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ;
6. выявить специфику субъекта и особенности субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ;
7. выявить проблемные вопросы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма;
8. рассмотреть состав преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, в соотношении со смежными составами;

9. проанализировать предписания Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма в части изучить нормы международных актов, касающиеся установления уголовной ответственности за публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, и оценить положения ст.205.2 УК РФ на предмет соответствия нормам международного права.

В данной работе **объектом исследования** являются общественные отношения по уголовно-правовой регламентации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма.

Предметом исследования бакалаврской работы выступают предписания Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, положения уголовного законодательства Российской Федерации, теоретические разработки учёных-правоведов по теме данной бакалаврской работы, а также судебная практика по публичным призывам к осуществлению террористической деятельности, публичному оправданию терроризма и пропаганде терроризма.

Методологическую основу данной бакалаврской работы составляет комплекс методов, включающий в себя всеобщие методы (диалектический и метафизический), общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный и функциональный), а также специально-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Структура настоящего исследования обусловлена его целями и задачами и включает в себя введение, первую главу, состоящую из трёх параграфов, вторую главу, заключение, список использованных источников.

1. Уголовно-правовая регламентация состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ

1.1. Объект преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ

Несмотря на многообразие подходов к определению понятия «объект преступления», предлагаемых в науке уголовного права, традиционно под ним принято понимать те охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые посягает общественно опасное и уголовно наказуемое деяние³. Анализ приведенной дефиниции позволяет обратить внимание на тесную взаимосвязь объекта преступления с сущностным признаком преступного деяния — его общественной опасностью: совершаемое посягательство опасно с социальной точки зрения в силу того, что оно способно причинить существенный вред отношениям, которые являются для общества наиболее значимыми и ценными на данном этапе его развития, а в силу этого наиболее «хрупкими» и «чувствительными» ко всякому воздействию. В силу этого обстоятельства представляется логичным, что анализ конкретного юридического состава первоначально следует начинать с рассмотрения группы признаков, характеризующих объект преступления, — «адресат» посягательства, общественные отношения, представляющие особую социальную ценность, потребность в охране которых порождает саму необходимость нормативного закрепления состава преступления.

В российском уголовном праве объекты преступления принято группировать «по вертикали» и «по горизонтали». В рамках первой классификации традиционно выделяется общий, родовой, видовой и непосредственный объекты в зависимости от степени конкретизации охраняемых общественных отношений. Именно данная классификация лежит в основе структурного деления Особенной части Уголовного Кодекса

³ Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С.84.

Российской Федерации на разделы, главы и статьи. Классификация по горизонтали проводится уже на уровне непосредственного объекта, который по характеру своей направленности разграничивается на основной, дополнительный и факультативный. При анализе объекта преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, необходимо отдельно рассматривать каждый из перечисленных видов, поскольку все они имеют значение для правильной квалификации общественно опасного деяния на практике.

Общим объектом преступления признается вся совокупность общественных отношений, взятых под охрану уголовным правом⁴. Стоит заметить, что общий объект преступления един для всех составов преступления: посягательство на один из элементов системы отношений ставит под угрозу её стабильность и функционирование в целом. Соответственно, и для состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, общим объектом является комплекс общественных отношений, поставленных под защиту уголовного закона. Основные составляющие совокупности, образующей общий объект преступления, представлены в ст.2 УК РФ и включают в себя отношения по поводу прав и свобод человека, собственности, общественного порядка и безопасности, состояния окружающей среды, конституционного строя, мира и безопасности человечества. Безусловно, общественные отношения, охраняемые уголовным законом, не исчерпываются приведенным перечнем, ввиду чего для полного раскрытия содержания общего объекта преступления необходимо рассматривать нормы Особенной части Уголовного Кодекса системно.

Родовой объект преступления обычно определяют как группу однородных общественных отношений, которые в силу этой однородности охраняются единым комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм⁵. Иными словами, родовой объект представляет собой определенную часть общего объекта, охватывая однотипные, близкие по своему содержанию

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.52.

⁵ Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С.105.

общественные отношения, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда некоторыми преступлениями, которые также образуют однородную группу. Именно родовый объект положен в основу рубрикации Особенной части Уголовного Кодекса по разделам, последовательность которых определяется степенью социальной значимости общественных отношений, составляющих его содержание. Анализируемый в данной работе состав преступления, предусмотренный ст.205.2, находится в разделе IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», что позволяет сделать вывод о том, что родовый объект рассматриваемого деяния носит интегрированный характер и образован совокупностью общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок.

Прежде чем перейти к раскрытию содержания родового объекта рассматриваемого состава преступления, представляется необходимым обратиться к определению его видового объекта, поскольку рассмотрение данных категорий невозможно без обращения к вопросу об их соотношении ввиду особенностей соответствующих им законодательных конструкций. По мнению отечественного учёного-правоведа А. И. Чучаева, видовой объект в отличие от родового объединяет более узкие группы отношений, отражающих один и тот же интерес участников этих отношений или же выражающих некоторые тесно взаимосвязанные интересы одного и того же объекта⁶. На основании выделения видовых объектов осуществляется группирование норм Особенной части Уголовного Кодекса в главы в рамках того или иного раздела. Статья 205.2 УК РФ содержится в главе 24, которая носит название «Преступление против общественной безопасности», следовательно, вполне логично предположить, что видовым объектом анализируемого деяния выступают отношения по поводу обеспечения общественной безопасности.

⁶ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.56.

Совершенно очевидно, что предложенные законодателем формулировки предполагают частичную тождественность родового и видового объекта, что противоречит самой сущности и назначению классификации объектов преступления. Именно поэтому вызывает сомнения правильность существующей в научной литературе точки зрения о том, что видовой и родовой объект могут в некоторых случаях совпадать⁷. В данном случае более предпочтительным представляется подход, суть которого состоит в том, что видовой объект служит дополнительным звеном в структуре объектов преступления по вертикали⁸. Его выделение не всегда обязательно и целесообразно, поскольку природа не всех защищаемых уголовным законом общественных отношений допускает их дробление на мелкие структурные единицы.

Думается, что приведенный выше подход действительно может выступать в качестве одного из вариантов решения возникшей проблемы. Однако анализ структуры Особенной части Уголовного Кодекса наводит на мысль, что для преступлений, предусмотренных разделом IX УК РФ, законодатель всё же предусматривает существование видовых объектов. Именно поэтому для преодоления существующей тождественности объектов уголовно-правовой доктриной были выработаны трактовки понятия «общественная безопасность» в широком (как родовой объект) и узком смысле (как видовой объект).

В научной литературе также существует представление об «общественной безопасности» как о социальном благе. Сложно спорить с тем, что и такая позиция имеет под собой основания: отражаясь в общественной психологии, общественном сознании, общественная безопасность ассоциируется с определенным уровнем уверенности граждан в защищенности общества и конкретного гражданина от общественно опасных посягательств, неприкосновенности основных социальных благ

⁷ Теория состава преступления : учебник / Т.Р. Сабитов, С.И. Сухоруков, С.А. Поляков. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. С.25.

⁸ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. С. 124.

общества. Сравнение двух описанных концепций «общественной безопасности» наводит на мысль о том, что предметом дискуссии между их приверженцами является, скорее, вопрос о том, что следует понимать под объектом преступления — общественные отношения или социальные блага.

Многообразие трактовок понятия «общественная безопасность» объясняется в первую очередь отсутствием его определения в действующем законодательстве. Федеральный Закон от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ "О безопасности"⁹ не содержит рассматриваемого понятия, тогда как ранее действовавшим Законом РФ от 5 марта 1992 года N 2446-1 "О безопасности" «общественная безопасность» определялась как состояние защищенности жизненно важных интересов общества. Иными словами, речь идет о таком качественном состоянии общества, при котором полностью удовлетворены те из его потребностей, которые гарантируют его стабильность, надежность в настоящем и возможности прогрессивного развития. Стоит заметить, что ряд учёных пошёл по пути законодателя, так же понимая «общественную безопасность» как особое состояние. В частности, И.А. Лазарев под общественной безопасностью понимает «состояние отношений между субъектами (личностями, социальными группами, нациями, государствами), при которых их существованию, развитию и суверенитету не угрожает военная, экономическая, экологическая или другая опасность»¹⁰. И.А. Лазарев в предлагаемом им определении делает акцент на том, что общество находится в состоянии безопасности лишь в том случае, если в отношении него отсутствуют внешние угрозы, а при их возникновении такое общество способно и готово оказать сопротивление. Терроризм вне всяких сомнений выступает в качестве одной из таких угроз. Действия террористов сеют страх

⁹ О безопасности [Электронный ресурс] : федер. закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ в ред. от 06.02.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁰ Лазарев И. А. Теория безопасности, ее состояние и перспективы развития // Современные проблемы национально-государственной и межгосударственной безопасности. М.: Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил РФ, 1992. С. 12.

населения, парализуют деятельность общественных и государственных структур¹¹, создают в обществе обстановку хаоса и паники.

На основе приведенных дефиниций в доктрине было выработано понимание «общественной безопасности» в широком и узком смысле. В широком смысле «общественная безопасность» в научной литературе понимается как общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности общества в целом, то есть безопасные условия функционирования различных его сфер, среди которых законодатель особенно выделяет здоровье населения, общественную нравственность, экологическую безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта, безопасность компьютерных информационных процессов. Общественные отношения, образующие родовый объект преступлений, предусмотренных разделом IX УК РФ, касаются обеспечения не только общественной безопасности, но и поддержания общественного порядка. В контексте разговора о родовом объекте общественный порядок следует так же рассматривать в широком значении и понимать под ним систему общественных отношений, сложившуюся между людьми, обеспечивающую общественное спокойствие, неприкосновенность личности и собственности, а также нормальное функционирование государственных и общественных институтов¹².

В узком смысле под термином «общественная безопасность» принято понимать общественные отношения, обеспечивающие защищенность жизни и здоровья граждан, имущественных интересов, общественного спокойствия и порядка, нормальной деятельности учреждений, организаций, предприятий. Соотнесение предложенных наукой определений «общественной безопасности» в широком и узком смысле позволяет убедиться в том, что проблема совпадения родового и видового объекта рассматриваемого преступления не решается и за счёт введения таких конструкций (по крайней

¹¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) : в 2 т. Том 2. Особенная часть. / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: «Проспект», 2018. С. 32.

¹² Комментарий к Уголовному Кодексу РФ. 2-е изд. / отв. ред. В. И. Радченко. М. : Проспект, 2010. С.328.

мере, в том виде, в каком они существуют на данный момент). Обусловлен такой вывод тем, что содержанием понятия «общественная безопасность» в узком смысле охватываются и общественные отношения, обеспечивающие общественный порядок. Как уже было установлено ранее в работе, отношения по обеспечению общественного порядка являются составной частью интегрированного родового объекта преступлений, предусмотренных IX разделом УК РФ. Вполне очевидно, что часть родового объекта не может выступать структурной единицей видового объекта, как общее не может быть элементом частного. Соответственно, предложенный выход действительно устраняет совпадение объектов в одной части, но порождает тождественность в другой. Здесь видится два основных пути разрешения сложившейся ситуации: развитие существующих и разработка новых доктринальных толкований понятия «общественной безопасности» либо же пересмотр существующей рубрики Уголовного Кодекса законодателем и изменение действующих названий раздела IX и главы 24, указывающих на тождественность родового и видового объектов предусмотренных ими преступлений.

Под непосредственным объектом преступления обычно подразумевается часть родового и видового объектов, конкретное общественное отношение, против которого направлено преступное посягательство, терпящее урон всякий раз при совершении преступления данного вида¹³. Иными словами, непосредственный объект — это объект реальный, существующий в действительности, причинение вреда которому можно наблюдать, в то время как общий, родовый и видовой объекты преступления представляют собой, скорее, категории абстрактные и при совершении конкретного преступного посягательства могут лишь предполагаться. Именно непосредственный объект обладает особой значимостью для квалификации деяний, поскольку позволяет определить

¹³ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.53

степень и характер общественной опасности содеянного, а также способствует разграничению смежных составов друг от друга.

Как уже отмечалось в работе, когда шла речь о классификации объектов преступления по горизонтали, на уровне непосредственного объекта выделяются такие его разновидности как основной, дополнительный и факультативный. Такое деление объясняется тем, что некоторые преступления являются многообъектными, то есть обладающими способностью причинить вред одновременно двум и более непосредственным объектам. Стоит отметить, что в отличие от вертикальной классификации объекты на данном уровне обладают уже единой степенью общности, а потому разграничение осуществляется в зависимости от того, каким отношениям причиняется вред в первую очередь, т.е. в зависимости от вреда основной направленности преступного посягательства¹⁴.

Как не трудно догадаться, основной (или главный) непосредственный объект отражает те общественные отношения, которым главным образом наносится урон. Анализ научных публикаций по теме показывает, что большинством ученых под основным объектом преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, понимается общественная безопасность¹⁵. Несмотря на совпадение формулировки с названиями родового и видового объекта, содержательно объем основного непосредственного объекта существенно отличается: здесь речь идет о конкретных общественных отношениях по обеспечению общественной безопасности, угрозу которой создают публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма.

Дополнительный объект преступления охватывает те общественные отношения, посягательство на которые происходит попутно с причинением вреда основному объекту. При этом необходимо заметить, что

¹⁴ Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С.111.

¹⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.390., Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 90.

дополнительный объект всегда указывается в конкретной уголовно-правовой норме, закрепляющей состав многообъектного преступления, оказывает влияние на степень и характер общественной опасности деяния в пользу их усиления и является обязательным для наступления уголовной ответственности.

Что касается факультативного непосредственного объекта, то в данную категорию вкладывается следующий смысл: таким общественным отношениям так же, как и отношениям, составляющим основной и дополнительный объекты, преступным посягательством причиняется вред, но не во всех случаях его совершения. Несмотря на то, что факультативный объект не входит в законодательную конструкцию состава, не стоит преуменьшать его уголовно-правовое значение: наличие такого объекта у преступления указывает на его повышенную общественную опасность, что, безусловно, учитывается при назначении наказания.

Не все правоведы согласны с классификацией непосредственного объекта по горизонтали в том виде, в котором она была представлена выше: в рамках иного подхода выделяется только основной и дополнительный объекты преступления, уже дифференцируя последний на обязательный и факультативный¹⁶. Впрочем, расхождения во мнениях наблюдаются только по поводу структурного аспекта классификации; с точки зрения содержания указанные категории всеми учеными понимаются одинаково.

По мнению профессора А.В. Степалина все преступления террористической направленности, включая деяние, предусмотренное ст.205.2 УК РФ, в качестве дополнительного объекта посягают на жизнь, здоровье, отношения собственности, нормальное функционирование органов власти государственных, общественных учреждений, иных социальных институтов¹⁷. Такая позиция представляется сомнительной, поскольку в первую очередь анализируемое преступное деяние причиняет вред

¹⁶ Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С.113.

¹⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Особенная часть. Раздел IX / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2017. С. 110.

общественной безопасности, которая является сложным, комплексным объектом и на основе единой потребности в защищенности объединяет в себе разные группы общественных отношений, в том числе по поводу жизни и здоровья граждан, их имущественных интересов, а также нормальной деятельности учреждений, организаций, предприятий. Кроме того, при анализе главы 24 УК РФ обращает на себя внимание тот факт, что общественной безопасностью охватывается довольно широкий круг общественных отношений. В результате совершения преступлений против общественной безопасности может быть затронут практически каждый из выделяемых законодателем объектов преступлений. Соответственно, выделение дополнительного объекта преступления в рамках данного состава нецелесообразно и может повлечь неблагоприятные последствия в виде излишней уголовно-правовой квалификации. Факультативный объект для состава, закрепленного в ст.205.2 УК РФ, также не предусмотрен.

При описании объекта как элемента состава некоторых видов преступных деяний раскрывается такой его факультативный признак как «предмет преступления». Под предметом понимаются вещи материального мира или интеллектуальные ценности, воздействуя на которые, субъект преступления нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом¹⁸. При совершении деяния, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, физическое воздействие на материальные вещи и интеллектуальные блага отсутствует, соответственно, и предмет у данного преступления не наличествует.

¹⁸ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.64.

1.2. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ

Несмотря на то, что существование определенных общественных отношений, особенно нуждающихся в охране со стороны государства, является предпосылкой для нормативного закрепления уголовно-правовых запретов, исходным пунктом всего процесса уголовно-правовой квалификации выступает именно установление признаков объективной стороны определенного состава преступления в результате анализа фактических обстоятельств происшествия. Именно поэтому следующий этап юридического анализа состава деяния, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, представляется необходимым посвятить рассмотрению объективной стороны преступления. Если объект преступного деяния характеризует социально ценные отношения, которым наносится вред преступным посягательством, то объективная сторона дает представление о внешнем проявлении такого посягательства¹⁹, позволяет наблюдать последовательное развитие действий, событий и явлений, совершение и наступление которых необходимо для полноценной реализации преступного намерения — иными словами, для достижения преступного результата.

При первом же обращении к законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, становится очевидно, что его объективная сторона характеризуется совершением хотя бы одного из трёх альтернативных деяний: призывов к осуществлению террористической деятельности, оправдания терроризма или пропагандой терроризма.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что в примечаниях к ст.205.2 УК РФ сформулированы легальные дефиниции для всех действий, предусмотренных ч.1, кроме «публичных призывов». Именно поэтому анализ

¹⁹ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.64.

первого из действий необходимо начать с определения понятия, используемого законодателем для его обозначения.

В словаре Ожегова под термином «призыв» понимается политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее политическую идею, политическое требование²⁰. Приведенное определение, безусловно, имеет право на существование, однако кажется не самым удачным для уголовно-правовой характеристики рассматриваемого действия. В первую очередь стоит заметить, что в данном случае не совсем ясно, каким содержанием наполняется понятие «лаконичная» и в каком случае форму обращения следует признавать такой. Если лаконичность выражаемой мысли предполагает её ясность и ёмкость, то на практике видится достаточно проблематичным точно определить, отвечает ли в каждом конкретном случае обращение приведенным критериям. Кроме того, представляется, что нечёткий, абстрактный характер такого критерия создает благоприятную почву для злоупотреблений со стороны правоприменителя. Также вызывает определенные сомнения обязательность политической направленности обращений, предполагаемая определением в словаре: призывы могут представлять собой требования совершения действий и иного характера, например, религиозного²¹.

Отсутствие легальной дефиниции вполне закономерно породило необходимость разработки определения «публичных призывов» в доктрине. Надо заметить, что, несмотря на некоторые неизбежные расхождения в формулировках, предлагаемых учёными²², в целом в отечественной науке уголовного права сложилось схожее представление о призыве как об

²⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2003. С. 591.

²¹ Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации. // Самарский филиал Саратовского юридического института МВД РФ. №1. Самара, 2007. С.3.

²² Пинкевич Т. В., Черных Е. Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3. С. 143; Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.146; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Особенная часть. Раздел IX / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2017. С. 33.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический" (постатейный). // под ред. С.В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013. С. 143.

общественно опасном действии. Под призывами следует понимать обращения, воздействующие на сознание и волю людей в целях возбуждения у них желания вести себя определенным образом, в данном случае — осуществлять террористическую деятельность²³. Несколько особняком стоит позиция В. Г. Бриллиантова, который определяет публичный призыв как обращение с предложением участвовать в любой разновидности террористической деятельности²⁴, что, на наш взгляд, перемещает акцент с воздействующего характера такого обращения на автономию воли его адресатов.

Точка в данном вопросе была поставлена разъяснением Постановления Пленума Верховного Суда от 9 февраля 2012 г. N 1 г. "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности". В п.18 названного Постановления содержится указание на то, что под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в статье 205.2 УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности²⁵.

Как следует из приведенного выше определения, форма выражения публичных призывов к осуществлению террористической деятельности может быть любой: устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей. Воздействие на волю и сознание людей может осуществляться, например, за счёт выступлений на митингах, собраниях, распространения листовок, брошюр и других печатных изданий, выставления баннеров, вывешивания плакатов,

²³ Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 40.

²⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) : в 2 т. Том 2. Особенная часть. / под ред. А.В.Бриллиантова. М.: «Проспект», 2018. С. 45.

²⁵ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2016 г. N 11 в ред. от 03.11.2016 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

размещения аудио или видеофайлов в сети Интернет и т.д.²⁶. Возможность выражения публичных призывов к осуществлению террористической деятельности в виде графических изображений вызывает обоснованные сомнения²⁷: констатировать, что целью демонстрации или публикации таких изображений выступает побуждение адресатов к осуществлению террористической деятельности, в отсутствие какого-либо текстового или словесного сопровождения представляется достаточно затруднительным. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что суды также расходятся во мнениях по данному вопросу: если в Апелляционном Определении Верховного Суда РФ от 1 августа 2019 г. N 208-АПУ19²⁸ подчеркивается, что содеянное расценивается как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, так как распространяемые графические изображения дополнялись соответствующими комментариями к ним, то Апелляционное Определение Верховного Суда РФ от 19 сентября 2017 г. N 203-АПУ17-26²⁹ оставляет обвинительный приговор суда первой инстанции без изменения, несмотря на доводы адвоката о том, что графические изображения текстом, склоняющим к осуществлению террористической деятельности, не сопровождалось.

Содержание призывов обязательно должно носить конкретный характер и выражаться в побуждении к осуществлению террористической деятельности. При этом такое побуждение может осуществляться за счет формирования у адресатов разнообразных мотивов и выражаться в обещании вознаграждения, возбуждении чувств ненависти, зависти, нетерпимости к определенным группам людей и так далее, убеждении, уговорах и так далее.

²⁶ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации. // Уголовное право. №6. М., 2018. С.4

²⁷ Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации. // Самарский филиал Саратовского юридического института МВД РФ. №1. Самара, 2007. С.3.

²⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 01.08.2019 N 208-АПУ19 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

²⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 19.09.2017 N 203-АПУ17-[Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

Диспозицией ч.1 ст.205.2 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за совершение публичных призывов к тому, чтобы их адресаты вели себя определенным образом — осуществляли террористическую деятельность. Вопрос о том, что следует понимать под «террористической деятельностью» в контексте рассматриваемой статьи, проясняется ч.2 примечаний к ст.205.2 УК РФ. Согласно положениям обозначенной уголовно-правовой нормы, уголовным законом под осуществлением террористической деятельности подразумевается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ. Необходимо заметить, что существует также иная, легальная дефиниция понятия «террористическая деятельность», которая содержится в п.2 ст.3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ "О противодействии терроризму" и представляет собой перечень конкретных действий, которые такая деятельность включает в себя. К ним, в частности, относится организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта, подстрекательство к террористическому акту, организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре, вербовка, вооружение, обучение и использование террористов, информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта, пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности³⁰. Сопоставление уголовно-правовой характеристики террористической деятельности с ее законодательным определением позволяет сделать вывод о

³⁰ О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : федер. закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ в ред. от 18.03.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

том, что уголовный закон расширяет понятие, введенное Федеральным Законом «О противодействии терроризму», дополняя перечень проявлений террористической деятельности рядом иных преступных действий

При рассмотрении понятия «террористическая деятельность» невозможно оставить без внимания вопрос о соотношении ст.205.2 УК РФ со ст.280 УК РФ. Если обратиться к содержанию диспозиций указанных статей, можно заметить, что их законодательная конструкция частично совпадает: и той, и другой уголовно-правовой нормой запрещается совершение публичных призывов к осуществлению определенной деятельности — террористической или экстремистской. Как и в случае с законодательным определением террористической деятельности, экстремистская деятельность раскрывается в п.1 ст.1 Федерального Закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности"³¹ посредством перечисления конкретных преступных деяний, представляющих собой её проявления. Анализ приведенного Федеральным Законом перечня позволяет утверждать, что, по логике законодателя, террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности. Соответственно, вполне логично напрашивается вывод о том, что в действующей редакции УК РФ уголовно-правовая регламентация публичных призывов к террористической деятельности осуществляется одновременно двумя нормами, что неизбежно порождает конкуренцию между ст.205.2 УК РФ и ст.280 УК РФ³². Безусловно, сложившаяся ситуация создает немалое количество сложностей при решении вопросов квалификации, дезориентирует правоприменителя и, соответственно, препятствует осуществлению эффективного правового регулирования, а потому является предметом активных дискуссий³³ в

³¹ О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : федер. закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ в ред. от 18.03.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

³² Тарбагаев А. Н., Москалёв Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст.205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2016. Вып. 2. С.40.

³³ Агапов П. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. № 1. М, 2007. С. 4–6; Корнилов А. В. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4 (10). С. 93; Кунашев А.А. Публичные

уголовно-правовой науке. Так, сторонники³⁴ вычленения публичных призывов к террористической деятельности в отдельную статью говорят о том, что в данном случае ст.280 и 205.2 соотносятся как общая и специальная уголовно-правовые нормы, а потому, в силу правила квалификации, закрепленного в ч.3 ст.17 УК РФ, при конкуренции применяется норма специального характера, то есть ст.205.2 УК РФ. В случаях же, где публичные призывы осуществляются с целью побудить адресатов к занятию экстремистской деятельностью иных видов, квалификацию следует производить по ст.280 УК РФ. При этом в качестве мотивации законодателя усматривается стремление подчеркнуть более высокую степень общественной опасности публичных призывов к осуществлению деятельности террористического характера.

Один из представителей критикующей подход законодателя стороны, М.Г. Фролов, отмечая, что карательная составляющая сравниваемых статей фактически одинакова (например, ч. 1 ст. 280 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 4 лет, а ч. 1 ст. 205.2 УК РФ – до 5 лет, соответственно), выдвигает тезис о том, что более рационально рассматривать цель субъекта побудить аудиторию к осуществлению именно террористической деятельности в качестве квалифицирующего признака к ст.280 и дополнить им конструкцию статьи³⁵. В качестве контраргумента следовало бы указать автору на то, что сравниваемые деяния посягают на разные родовые объекты, которые лежат в основе спецификации Особенной Части Уголовного Кодекса на разделы, что, безусловно, препятствует объединению рассматриваемых составов в одну статью. Однако, ученый, предвосхищая подобные доводы, говорит о том, что выделяемый

призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации. // Уголовное право. №6. М., 2018. С.4.

³⁴ Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации. // Уголовное право. №6. М., 2018. С.4.; Корнилов А. В. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4 (10). С. 93.

³⁵ Фролов, М. Г. К вопросу о разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм». // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. №10. Смоленск, 2017. С.162.

законодателем родовый объект в полной мере не отражает современных реалий, где терроризм и сопряженные с ним преступления давно уже превратились в угрозу не только общественной безопасности, но и безопасности отдельных государств и всего мирового сообщества в целом³⁶.

В силу всего вышеизложенного, по нашему мнению, вопрос о соотношении ст.205.2 и ст.280 УК РФ остается не до конца решенным и требует дальнейшей проработки. Представляется, что законодателю необходимо прислушаться к доктринальным позициям, указывающим на существующее в действующем Уголовном Кодексе противоречие, и рассмотреть возможность изменения используемого подхода с учетом принципа системности выражения уголовно-правовых норм. Что же касается того, как осуществлять квалификацию, пока обозначенная проблема не решена, видится, что правоприменителю следует руководствоваться правилом преодоления конкуренции общей и специальной норм, на что также указывает абз.2 п.5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"³⁷.

Призывы к осуществлению террористической деятельности, как и оправдание терроризма, характеризуются таким обязательным признаком как публичный способ их совершения. В доктрине уголовного права не существует единого представления о том, что следует понимать под «публичностью». Например, в научной литературе встречается тезис о том, что призывы к осуществлению террористической деятельности совершены публично, если они высказывались широкому кругу лиц³⁸. Представляется, что такой подход не только не вносит ясности, но создает еще большие сложности — возникает закономерный вопрос о том, какого количества

³⁶ Фролов, М. Г. К вопросу о разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм». // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. №10. Смоленск, 2017. С.162.

³⁷ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 в ред. от 20 сентября 2018 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

³⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Особенная часть. Раздел IX / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2017. С.33.

адресатов обращений достаточно, чтобы круг лиц считался широким. Не проясняет суть данного способа и представление об адресатах как об определенном или неопределенном круге лиц³⁹: вопрос о том, в каком случае воздействие на волю и сознание людей с целью побудить их осуществлять террористическую деятельность совершается публично, остается открытым.

Согласно ещё одной из существующих точек зрения, публичность представляет собой количественный критерий и предполагает воздействие субъекта на двух лиц, как минимум⁴⁰. Как справедливо отмечается некоторыми учёными⁴¹, такой критерий удобен для правоприменительной практики и нашел отражение и в ряде судебных решений. Так, например, Нозимджони Ю., находясь в штрафном изоляторе с Л. и Б., неоднократно разъяснял сокамерникам правильность действий "ИГИЛ" в Сирии, обосновывал необходимость оказывать содействие данной организации, именовал членов "ИГИЛ" братьями. Согласно заключению эксперта, в высказываниях осужденного содержались признаки публичного оправдания терроризма ввиду того, что ⁴². Тем не менее, и такой подход порождает определенные сложности на практике. Например, Абдрахманов Р.Э. в середине января 2011 говорил Б., что он должен с оружием в руках воевать с неверными, оказывать активное пособничество участникам НВФ. В 2012 году Абдрахманов в беседах с Д., говорил о необходимости бороться с сотрудниками правоохранительных органов и вести войну с неверными. О том же заявили и свидетели З., Н. и У. Абдрахманов был признан виновным в совершении публичного призыва к осуществлению террористической

³⁹ Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации. // Самарский филиал Саратовского юридического института МВД РФ. №1. Самара, 2007. С.3.

⁴⁰ Пинкевич Т. В., Черных Е. Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 143.; Лагодин А. В. Объективная сторона публичных призывов к совершению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Общество и право. 2009. № 1. С.182.; Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 1.

⁴¹ Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 43.

⁴² Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2020 N 225-АПУ20-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

деятельности и публичном оправдании терроризма⁴³. В приведенном примере из судебной практики можно наблюдать, что адресатом осуществляемых субъектом ст.205.2 УК РФ призывов каждый раз выступал один человек, и вывод о публичном характере деяния судом сделан в силу того обстоятельства, что в общей сложности такие разговоры проводились с пятью людьми. Однако в таком случае побуждение к осуществлению террористической деятельности в рамках беседы с каждым конкретным лицом состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, образовывать не будет.

Верховный Суд Российской Федерации в п.19 Постановления Пленума от 9 февраля 2012 г. N 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" даёт разъяснение судам по поводу того, как решать вопрос о том, наличествует ли публичность совершения призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма. Для этого необходимо учитывать место, способ, обстановку и другие обстоятельства дела. Так, Верховный Суд в числе признаков, указывающих на публичность совершаемых призывов, называет обращение к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращений в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, форумах или в блогах, распространение обращений путем массовой рассылки электронных сообщений и т.п.⁴⁴. Проанализировав приведенный перечень, можно сделать вывод о том, что в таком понимании «публичности» акцент делается на то, что призывы в каждом из случаев осуществляются в отношении персонально неопределенного круга лиц. Субъект обращается не к конкретным лицам, индивидуальные характеристики адресатов его не

⁴³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.03.2014 по делу № 23-АПУ14-4 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

⁴⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2016 г. N 11 в ред. от 03.11.2016 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

интересуют⁴⁵. Многими учёными разделяется позиция Верховного Суда⁴⁶ и даже провозглашается в качестве определяющего признака публичности⁴⁷.

Такой подход позволяет разграничить публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, предусмотренные ст.205.2 УК РФ, с подстрекательством к террористической деятельности по ч.4 ст.33 УК РФ. Подстрекательство к осуществлению террористической деятельности как один из видов соучастия в преступлении⁴⁸, выделяется законодателем в специальный состав, предусмотренный ст.205.1 УК РФ, а потому представляется целесообразным говорить о соотношении публичных призывов именно со склонением, вербовкой и иным вовлечением лица в преступления террористического характера. Преступление, предусмотренное ст.205.1 УК РФ, предполагает, что действия виновного носят персонифицированный, «адресный» характер и направлены на возникновение у конкретного адресата умысла на совершение конкретного деяния, в то время как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности обладают обобщенным, абстрактным характером и адресованы группе лиц, никак не индивидуализированных для субъекта.

Второе альтернативное действие, образующее объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, звучит как «публичное оправдание терроризма». В соответствии с аутентическим толкованием, данным в п.1 примечания к ст.205.2 УК РФ, под «публичным оправданием терроризма» необходимо понимать публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися

⁴⁵ Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 40.

⁴⁶ Пронина М.П. Актуальные проблемы правоприменительной практики при квалификации преступлений террористической направленности // Вестник Российского университета кооперации. №4. 2017. С.144., Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 14-16.

⁴⁷ Тарбагаев А. Н., Москалёв Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст.205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2016. Вып. 2. С.33.

⁴⁸ Иванцов, С. В. Преступления террористической направленности: особенности международно-правовой регламентации / С.В. Иванцов, С.К. Бадамшин // Вестник Московского университета МВД России. №2. 2019. С.133

в поддержке и подражании. Несмотря на то, что в основном в научной литературе используется легальная дефиниция «публичного оправдания», некоторые ученые предлагают собственные определения. Так, например, О. В. Очередыко критикует законодательную формулировку, отмечая, что термин «оправдание» не обладает узкоспециализированной юридической окраской, а потому его следует понимать в исходном лексическом значении⁴⁹. Такое значение можно установить, обратившись к толковому словарю Ожегова, где глагол «оправдать» определяется как «признать правым, невиновным», «признать допустимым в силу чего-нибудь»⁵⁰. Доводы учёного представляются не обоснованными, во-первых, по той причине, что многие понятия, употребляемые в УК РФ, сами по себе не обладают узкоспециализированной юридической окраской, однако используемый уголовно-правовой контекст добавляет терминам специфические оттенки значения, что происходит и в иных отраслях знаний. Во-вторых, по нашему мнению, определение, предложенное законодателем, ни в коей мере не противоречит общелексическому значению «оправдания» и не искажает его, а лишь конкретизирует, подстраивает под специфику уголовно-правовых задач.

Проанализировав диспозицию ч.1 ст.205.2 УК РФ, нетрудно заметить некоторую непоследовательность законодателя в выборе употребляемых терминов: если, формулируя конструкцию «публичных призывов», он использует понятие «террористическая деятельность», то в остальных двух действиях речь идет уже о «терроризме». Усложняет ситуацию и то, что, в отличие от понятия «террористической деятельности», уголовно-правовое содержание которого раскрывается в примечании к ст.205.2 УК РФ, действующая редакция Уголовного Кодекса не закрепляет дефиниции «терроризма», что делает мотивацию законодателя сохранить данный термин в формулировке диспозиции ст.205.2 УК РФ еще более не очевидной. В п.1

⁴⁹ Очередыко В. А. Уголовная ответственность за оправдание преступления // Гуманитарные, социальные и экономические науки. 2019. С.96.

⁵⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2003. С. 672.

ст.3 Федерального закона от 06.03.2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» понятие «терроризм» определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий⁵¹. Возможность приведенного определения быть адресатом бланкетной диспозиции ч.1 ст.205.2 УК РФ представляется весьма сомнительной. Так, по мнению А.С.Тарбагаева, идеология насилия как общее теоретическое обоснование принципиальной возможности и необходимости совершения насильственных действий, не содержащее в себе конкретных призывов к осуществлению террористической деятельности, какой бы она отвратительной не была, сама по себе уголовно наказуемого деяния не образует⁵², а потому законодательная дефиниция «терроризма» не может использоваться в целях квалификации деяния по ст.205.2. Схожей позиции придерживается и А.В. Лагодин, который отмечает, что определение из Федерального закона характеризует терроризм как социальное явление и препятствует формулированию состава терроризма как уголовного правонарушения⁵³. Представляется, что с точки зрения научных деятелей следует согласиться, принимая во внимание также и тот аспект проблемы, что использование понятия «терроризм» в столь широком значении создает риск злоупотреблений применением статьи и способно породить ситуацию, когда судят как раз-таки за «мысли», а не за совершение общественно опасных действий.

Сложившаяся ситуация, выражаясь образно, делит правоведов, исследующих состав преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, на

⁵¹О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : федер. закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ в ред. от 18.03.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

⁵²Тарбагаев А. Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 103.

⁵³Лагодин А. В. Объективная сторона публичных призывов к совершению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Общество и право. №1. 2009. С.166.

два лагеря. Первая группа учёных⁵⁴, которая образует собой большинство, выдвигает тезис о необходимости преодолеть терминологическую раздвоенность и заменить используемый в ст.205.2 термин «терроризм» на понятие «террористической деятельности». Другая категория правоведов⁵⁵ высказывается о том, что в изменениях в части рассогласованности терминов ст.205.2 УК РФ не нуждается и следует придерживаться её буквального толкования. Аргументируется такая точка зрения тем, что оправдывать идеологию терроризма возможно с целью реализации такой идеологии в будущем. Весомость приведенного довода вызывает серьезные сомнения, поскольку публичное оправдание идеологии далеко не во всех случаях свидетельствует о существовании сформированного намерения и реальной готовности к воплощению разделяемых идей в конкретные действия, в то время как вероятность допущения ошибок в уголовно-правовой квалификации и привлечения к уголовной ответственности за деяния, не обладающие должной степенью общественной опасности, при столь широком толковании понятия «терроризм» достаточно высока.

По смыслу легальной дефиниции, публичное оправдание терроризма, как правило, имеет форму одобрительных рассуждений о системе взглядов, которыми руководствуются террористы, и о совершённых ими конкретных преступных действиях, выступлений в поддержку и защиту идеологии и практики терроризма, выводов о необходимости участия в террористической деятельности. Анализ научной литературы по теме позволяет дополнить приведенный перечень: публичное оправдание терроризма в некоторых случаях может иметь форму прославления⁵⁶ как террористической деятельности, так и самих террористов, героизации их личностей. В

⁵⁴Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 1.; Лагодин А. В. Объективная сторона публичных призывов к совершению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Общество и право. №1. 2009. С.183.

⁵⁵Помнина С.Н., Вахонина Е. Б. Особенности определения признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма // Социально-политические науки. 2018. С. 139.

⁵⁶Щеблыкина И.В., Степин Д.С. Проблемы противодействия публичным призывам к террористической деятельности и публичному оправданию терроризма. // Преступность, уголовная политика, закон. 2016. С. 271.

подтверждение занимаемой позиции исследователями приводится дело И.В. Михеева, который выступал на митинге с заявлениями, прославлявшими Н.В. Королёва, совершившего взрыв на территории торгово-ярмарочного комплекса, который привёл к гибели четырнадцати человек и причинению вреда разной степени тяжести сорока семи людям. И.В. Михеев был осужден по ч.1 ст.205.2 УК РФ⁵⁷.

Для оправдания терроризма, как и для призывов к осуществлению террористической деятельности, в качестве обязательного признака устанавливается публичный способ совершения. Признак «публичности» был подробно раскрыт при описании публичных призывов, поэтому повторное обращение к нему лишено смысла. Опять же, как и в случае с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма может быть осуществлено в любой форме. Некоторыми авторами отмечается, что публичное оправдание терроризма может содержаться и в произведениях искусства: в документальном или художественном фильме, литературном или публицистическом произведении может присутствовать как непосредственное, так и завуалированное выражение симпатий террористам⁵⁸. Здесь в качестве примера, безусловно, вспоминается широко обсуждавшееся в СМИ дело Бориса Стомахина⁵⁹ — автора публикации «Памяти шахидов», где, согласно результатам лингвистической экспертизы, журналист оправдывал террористов, совершивших взрывы в московском метро, а также публикаций «В следующем году без России!», «Рабы металлодетекторов» и «Утешительный приз», где, по мнению экспертов, тоже наличествовали признаки публичного оправдания терроризма.

⁵⁷ Щеблыкина И.В., Степин Д.С. Проблемы противодействия публичным призывам к террористической деятельности и публичному оправданию терроризма. // Преступность, уголовная политика, закон. 2016. С. 272.

⁵⁸ Лагодин А.В. Объективная сторона публичных призывов к совершению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Общество и право. № 1. 2009. С. 183; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Особенная часть. Раздел IX / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2017. С. 34.

⁵⁹ Публицист сел за призывы к терроризму [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/>

Пропаганда терроризма является третьим альтернативным деянием, которое запрещается ч.1 ст.205.2 УК РФ под угрозой уголовной ответственности. Легальная дефиниция «пропаганды терроризма» закреплена в п.1.1 прим. к ст.205.2 УК РФ и определяет понятие как «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

Для лучшего уяснения сущности рассматриваемого понятия и специфики его уголовно-правового содержания представляется необходимым обратиться к различным определениям термина «пропаганда», которые предлагаются толковыми словарями русского языка. Так, в словаре Ожегова под «пропагандой» понимается «распространение в обществе каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения»⁶⁰. Словарь Ушакова⁶¹, в целом, дублирует взгляд Ожегова на пропаганду как на распространение идей и знаний, лишь добавляя информацию о способе, которыми может осуществляться такое распространение, — подробном и углубленном ознакомлении. Представляется, что и законодатель, формулируя дефиницию «пропаганды терроризма», за основу взял общелексическое значение понятия «пропаганда» и конкретизировал его с учетом характера распространяемых сведений и целей их распространения.

Анализируя третье альтернативное действие состава и его легальную дефиницию, можно отметить три принципиальных момента. Во-первых, законодатель не использует понятие «публичность» при описании признаков, присущих пропаганде терроризма. Соответственно, данное действие — единственное из всех деяний, входящих в объективную сторону ч.1 ст.205.2 УК РФ, не требует обязательного публичного способа совершения.

⁶⁰ Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru>.

⁶¹ Там же.

Во-вторых, примечательно, что, определяя пропаганду терроризма как деятельность по распространению материалов и (или) информации, законодатель употребляет не множественное, а единственное число, описывая их адресата⁶². Данное замечание в совокупности с доводом о необязательности публичного характера пропаганды терроризма, позволяет сделать вывод о том, что субъект преступного деяния может заниматься распространением сведений с целью манипулирования сознанием одного человека и внушения мировоззренческих установок, основанных на идеологии терроризма, даже единственному лицу.

В-третьих, обращает на себя внимание то, что законодатель определяет пропаганду терроризма через понятие «деятельность». Деятельность, как правило, представляет собой процесс, образуемый совокупностью различных действий, объединенных общей целью, который начинается с совершения первого действия и прекращается завершением осуществления деятельности: в этом смысле можно говорить о пропаганде терроризма как о продолжаемом преступлении⁶³. Это отличает пропаганду терроризма от публичного оправдания терроризма и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, которые могут совершаться однократным действием. Такая особенность анализируемого деяния обусловлена тем, что, во-первых, формирование определенной идеологии у человека или убежденности в ее привлекательности — это длительный процесс, поскольку невозможно, чтобы целая система взглядов, идей, ценностей и установок усвоилась сознанием адресата, срослась с ним в результате однократного ознакомления с соответствующими материалами. Во-вторых, даже если цель субъекта пропаганды терроризма охватывает лишь формирование у адресата представления о допустимости осуществления террористической деятельности, не во всех случаях разового предоставления информации,

⁶² Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации. // Уголовное право. №6. М., 2018. С.7

⁶³ Москалев Г.Л. Пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) [Электронный ресурс] // Г. Л. Москалев // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 6. С. 79 - 87. // Режим доступа: <https://nbpublish.com/>

способной повлиять на сознание людей, достаточно, поскольку отношение в обществе к терроризму и его проявлениям носит устойчивый и резко отрицательный характер.

На основе законодательного определения пропаганды терроризма Г.Л. Москалёвым выделяется два вида содержательной направленности распространяемых сведений: информация, направленная на формирование у лица идеологии терроризма и убежденности в ее привлекательности, и информация, направленная на формирование у лица представления о допустимости террористической деятельности⁶⁴. По мнению учёного, в качестве частного случая первого из видов можно рассматривать заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании⁶⁵. Указанная формулировка полностью повторяет законодательную дефиницию публичного оправдания терроризма, иного альтернативного деяния, запрещённого диспозицией ч.1 ст.205.2 УК РФ. Как уже отмечалось ранее в работе, законодателем не предполагается обязательный публичный способ совершения для пропаганды терроризма, в отличие от публичного оправдания терроризма. Соответственно, будучи более широким по объёму понятием, пропаганда терроризма своим содержанием охватывает публичное оправдание терроризма⁶⁶. В силу изложенного, вполне закономерно встаёт вопрос о целесообразности одновременного закрепления в ч.1 ст.205.2 УК РФ публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма. Представляется, что в сложившейся ситуации законодателю необходимо либо убрать публичное оправдание терроризма из статьи, либо пересмотреть существующий подход к определению содержания данных понятий.

Анализируемый состав по способу конструирования объективной стороны преступления является формальным, поскольку диспозиция ст.205.2 УК РФ не содержит указания на наступление каких-либо общественно

⁶⁴ Москалев Г.Л. Пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) [Электронный ресурс] // Г. Л. Москалев // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 6. С. 79 - 87. // Режим доступа: <https://nbpublish.com/>

⁶⁵ Там же

⁶⁶ Там же

опасных последствий. Моменты окончания публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма определены абз.1 и 2 п.20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. N 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности". Так, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности следует считать оконченным преступлением с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет⁶⁷. Публичное оправдание терроризма же образует состав оконченого преступления с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания⁶⁸. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что учёные⁶⁹ согласны с такими вариантами определения моментов окончания преступлений. При этом Бриллиантов конкретизирует момент окончания публичных призывов для ситуаций, когда призывы содержатся в листовках, плакатах: состав преступления будет окончен с момента распространения хотя бы одной листовки, плаката в общественном месте или, например, выполнения соответствующей надписи в общественном месте⁷⁰.

Что же касается момента окончания пропаганды терроризма, Постановлением Пленума не дается никаких разъяснений по этому поводу, а потому ответ на вопрос следует искать в доктрине. Пропаганду терроризма

⁶⁷О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2016 г. N 11 в ред. от 03.11.2016 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

⁶⁸О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2016 г. N 11 в ред. от 03.11.2016 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

⁶⁹Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 45., Ком Бриллиантов астр.46, Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Особенная часть. Раздел IX / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2017. С.34.

⁷⁰Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) : в 2 т. Том 2. Особенная часть. / под ред. А.В.Бриллиантова. М.: «Проспект», 2018. С. 45.

нужно признавать оконченной с момента начала распространения материалов и (или) информации, независимо от того, удалось ли сформировать у адресата убежденность в привлекательности идеологии терроризма, либо представление о допустимости осуществления террористической деятельности⁷¹.

Квалифицированный вид анализируемого преступления предусмотрен ч.2 ст.205.2 УК РФ и представляет собой совершение рассмотренных деяний с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет". Как отмечается в п.21 Постановления Пленума, при рассмотрении квалифицированного состава необходимо обратиться к положениям Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года N 2124-I «О средствах массовой информации» и Федерального закона от 27 июля 2006 года N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷². Так, в абз.1 и 2 ст.2 Закона РФ «О средствах массовой информации» дается определение непосредственно «массовой информации» и приводится перечень изданий, которые такую информацию распространяют, т.е. являются её средствами. Под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы, а к ее средствам Закон относит периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмму, радиопрограмму, видеопрограмму, кинохроникальную программу, иную форму периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)⁷³. В приведенных дефинициях нам интересны два принципиальных момента, которые, как представляется, и определяют

⁷¹ Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 45.

⁷² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2016 г. N 11 в ред. от 03.11.2016 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

⁷³ «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] : закон РФ от 27.12.1992 N 2124-1 в ред. от 01.03.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

повышенную общественную опасность совершения деяний, предусмотренных ч.1 ст.205.2 УК РФ, с использованием средств массовой информации. Во-первых, примечательно само понятие «массовости», которое означает ориентированность изданий данной категории на широкую, многочисленную аудиторию, которая в случае распространения в таких источниках призывов к осуществлению террористической деятельности, заявлений, одобряющих и поддерживающих идеологию и практику терроризма, или материалов о терроризме пропагандистского характера станет их непосредственными адресатами⁷⁴. Во-вторых, периодический характер изданий предполагает определенную регулярность публикаций, передач и иных форм продукции средств массовой информации, что в свою очередь обеспечивает субъектам ст.205.2 УК РФ возможность систематически манипулировать сознанием аудитории, осуществлять воздействие аккуратно и постепенно, что увеличивает шансы формирования у адресатов желаемого мировоззрения и приверженности к террористическим взглядам.

Проанализировав перечень, приведенный в ст.2 Закона, можно убедиться в том, что он является открытым: в нем содержится указание и на «иную форму распространения», помимо перечисленных, что позволяет сделать вывод о том, что в целом к «средствам массовой информации» могут быть отнесены и иные источники информации при условии соблюдения установленных для них в законе критериев «периодического распространения массовой информации» и наличия «постоянного наименования».

Кроме того, А. Н. Тарбагаевым и Г.Л. Москалёвым отмечается, что в случае использования издания, не зарегистрированного в качестве СМИ, но отвечающего условиям, предусмотренным ст.2 Закона «О средствах массовой

⁷⁴ Тарбагаев А. Н., Москалёв Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст.205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2016. Вып. 2. С.36., Помнина С.Н., Вахонина Е. Б. Особенности определения признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма // Социально-политические науки. 2018. С. 140.

информации», содеянное так же необходимо квалифицировать по ч.2 ст. 205.2 УК РФ⁷⁵. Исключение из этого правила составляют лишь сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», о чем прямо сказано в ст.8 Закона «О средствах массовой информации»⁷⁶.

Повышенная общественная опасность совершения действий, предусмотренных ч.1 ст.205.2 УК РФ с использованием информационной сети Интернет, обусловлена тем обстоятельством, что в современном мире Интернет превратился в мощный инструмент пропаганды и распространения влияния, что определяется целым рядом факторов. Во-первых, Интернет предполагает широкий охват совершенно разнотипной аудитории: если СМИ по большому счёту ориентированы на конкретные социальные группы, то при публикации материалов в Интернете адресант может рассчитывать на многочисленных адресатов, представляющих самые разные общественные слои, что, безусловно, способствует популяризации опасных идей среди всего мирового населения в целом. Во-вторых, высокая скорость распространения информации в Интернете, постоянное появление новых форматов и площадок для противоправной деятельности, а также возможность её анонимного ведения в совокупности серьёзно усложняют процесс отслеживания преступной активности. Соответственно, выбор законодателем использования информационной сети Интернет в качестве квалифицирующего признака для состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, абсолютно обоснован.

Помимо перечисленных выше специфических черт, следует обратить внимание на то, что Интернет обладает и иными особенностями, характеризующими его как отдельную субкультуру, включая особые средства языковой коммуникации и собственную систему социальных норм. Именно поэтому представляется, что для правильной квалификации

⁷⁵ Тарбагаев А. Н., Москалёв Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст.205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2016. Вып. 2. С.36.

⁷⁶ «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] : закон РФ от 27.12.1992 N 2124-1 в ред. от 01.03.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

рассматривать вопрос о наличии признаков публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма в размещенных в Интернете материалах необходимо в контексте таких особенностей. Видится необходимым проиллюстрировать изложенное примером из судебной практики: так, Али оглы было опубликовано сообщения следующего содержания: «терроризм — это круто», «терроризм – это классика и ... (нецензурное слово) кто че говорит», в которых можно усмотреть положительную оценку, одобрение и оправдание терроризма⁷⁷. Стоит заметить, что словосочетание «это классика» превратилось в устойчивое Интернет-выражение и используется в значении «обычное дело», для характеристики какого-то явления как существующего длительное время и продолжающего существовать на настоящий момент. В этой связи представляется, что сама по себе фраза «терроризм — это классика», взятая вне контекста комментария в целом, носит нейтральный характер и не содержит в себе одобрения или оправдания терроризма.

Говоря об особенностях квалификации деяний, предусмотренных ч.2 ст.205.2 УК РФ, необходимо особенное внимание уделить предложению, внесённому С. К. Бадамшиным. Учёный отмечает, что при юридической оценке совершенного деяния важно выяснить все обстоятельства дела, подтверждающие, что лицо не только разместило ту или иную информацию в сети, но еще и осознавало ее характер и желало обратить на нее внимание других людей, понимая, что соответствующие видеозаписи, графические изображения, тексты и т.п. нацелены на побуждение к осуществлению террористической деятельности либо оправдание терроризма⁷⁸. Справедливость данного суждения подтверждается судебной практикой. М.А. Шахбазов разместил в сети Интернет видеоматериал, содержащий

⁷⁷ Приговор Центрального районного суда г. Хабаровска № 1-367/2014 от 19 сентября 2014 г. по делу № 1-367/2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/>.

⁷⁸ Бадамшин С. К. Уголовно-правовые особенности квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Московского Университета МВД России. №4. 2017.С.77.

признаки публичного оправдания терроризма, и озаглавил его «Как так можно слабо нервным не смотреть». В ходе лингвистической экспертизы было установлено, что выбранное название ясно указывает на то, что Шахбазов осознавал характер видео и желал обратить на него внимание людей, а сам подзаголовок, по мнению экспертов, содержит признаки манипуляции, используемой для того, чтобы склонить как можно большее количество человек к просмотру⁷⁹.

Состав преступления, предусмотренного ч.2 ст.205.2 УК РФ, также является формальным. Момент окончания преступления, предусмотренного ч.2 ст.205.2 УК РФ, однако, зависит от того, какой из установленных в диспозиции способов совершения преступного деяния выбран субъектом. Преступления, связанные с использованием СМИ, следует считать оконченными с момента распространения продукции средств массовой информации (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию), в то время как совершение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи или с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет, следует считать оконченным с момента размещения обращений в указанных сетях общего пользования (например, на сайтах, форумах или в блогах), отправления сообщений другим лицам⁸⁰.

⁷⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28.09.2017 N 205-АПУ17-33 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

⁸⁰ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2016 г. N 11 в ред. от 03.11.2016 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

1.3. Субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ

Традиционно конструкция уголовно-правовой нормы Особенной части Уголовного Кодекса выглядит следующим образом: «деяние наказывается», а далее приводится перечень санкций, установленных конкретно для данного случая⁸¹. Однако условность используемой законодателем формулировки очевидна: наказание назначается не преступлению, а конкретному человеку, совершившему запрещённое уголовным законом виновное противоправное общественно опасное деяние. Преступление не может существовать без лица, его совершившего, — это аксиома, которая никакому сомнению не подлежит.

Преступная деятельность, как и любая активность человека на протяжении жизни, сопровождается психическими процессами, протекающими в его сознании, в результате которых формируются мотивы, причины и цели его внешней деятельности. Для уголовно-правовой квалификации психическая деятельность субъекта преступления также имеет значение, однако лишь в определенной части: анализу подлежат процесс формирования внутренних побуждений, предшествующих и предопределяющих совершение преступного деяния, представления о желаемом результате и психическое отношение как к содеянному, так и к тем последствиям, которое оно за собой повлекло.

Финальный этап анализа преступного деяния, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, считаем нужным посвятить исследованию субъекта и субъективной стороны состава рассматриваемого преступления.

Под субъектом преступления в доктрине обычно понимается лицо, совершившее противоправное, общественно опасное деяние, способное

⁸¹ Курс уголовного права. Особенная часть. Учебник для вузов: в 5 т. Т. IV / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова М.: Зерцало, 2002. С.146.

нести за него уголовную ответственность⁸². Данное определение позволяет сделать вывод о том, что лицо, совершившее преступное деяние, не во всех случаях признается способным нести за него уголовную ответственность, а, следовательно, должны существовать определенные критерии для установления наличия или отсутствия такой способности.

Такие критерии устанавливаются ст.19 УК РФ. Исходя из положений данной нормы, субъектом преступления может выступать только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что законодателем используется понятие «физическое лицо». Это обстоятельство имеет принципиальное значение по нескольким причинам: во-первых, законодатель окончательно ставит точку в вопросе о том, может ли выступать субъектом преступления юридическое лицо. Категорическое «нет» законодателя представляется нам вполне обоснованным: лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия), в отношении которых установлена его вина⁸³. Понятие «вины» неизменно связано с такими категориями как «воля» и «сознание», которые от природы присущи только человеческому существу. Соответственно, признание за юридическим лицом — абстрактной конструкцией, юридической фикцией, по своей сути — права выступать субъектом преступления порождает необходимость пересмотра концепции уголовного закона в принципе, к чему правовая система России на данный момент может оказаться не готова.

Во-вторых, понятие «физическое лицо» предполагает, что уголовную ответственность за преступления, совершенные на территории Российской Федерации, понесет любой человек вне зависимости от его гражданства. Соответственно, субъектами преступления по УК РФ могут выступать граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства.

⁸² Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.171.

⁸³ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 23.04.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

В-третьих, употребляя понятие «физическое лицо» в единственном числе, законодатель подчёркивает личный и строго персональный характер уголовной ответственности за каждое совершенное деяние. Иными словами, «коллективной» ответственности в уголовном праве не существует: даже если несколько лиц, группа людей, толпа объединит свои усилия для реализации общего преступного замысла, каждый отдельный участник коллектива будет нести ответственность самостоятельно за собственные преступные действия. Фактор «коллективного» совершения преступления в данном случае влияет лишь на повышенную общественную опасность содеянного, что, безусловно, сказывается на размере наказания, исчисляемого для каждого участника группового преступления индивидуально с учётом его роли.

Вторым обязательным условием способности лица выступать субъектом преступления является его вменяемость. Интересно, что уголовное законодательство не содержит определения понятия «вменяемость», но в ч.1 ст.21 УК РФ закрепляет значение понятия «невменяемость», которое сводится к невозможности лица во время совершения общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики⁸⁴. Представляется вполне логичным, что под вменяемостью в таком случае следует понимать противоположное состояние психики, то есть такое, при котором лицо, совершая преступления, осознает фактический характер и общественную опасность своих действий и способно ими руководить.

В доктрине уголовного права отмечается, что на основе закреплённой законодателем дефиниции можно выделить 2 критерия невменяемости: медицинский (биологический), выражающийся в наличии у лица

⁸⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 23.04.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

психической болезни, и юридический (психологический), предполагающий невозможность осознавать характер своих действий и ими руководить⁸⁵. Медицинский (биологический) критерий раскрывается в ст.21 УК РФ посредством приведения обобщённого перечня психопатологий, к которым относится хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие либо иное болезненное состояние психики. О хроническом психическом расстройстве можно говорить, когда заболевание имеет длительное течение, проявляет себя преимущественно приступообразно и оставляет после себя стойкий психологический дефект (шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и т.д.)⁸⁶ и т.д. Временные (транзиторные) психические расстройства, как правило, непродолжительны и заканчиваются выздоровлением: к ним относят так называемые исключительные состояния, возникающие внезапно в связи с внешней ситуацией и сопровождающиеся кратковременным расстройством сознания (патологический аффект, сумеречные состояния сознания, алкогольные психозы)⁸⁷. Когда речь идет о слабоумии, имеется в виду такое состояние психики, при котором умственные способности лица значительно снижены⁸⁸. Что же касается расплывчатой категории «иные болезненные состояния психики», то она охватывает расстройства психической деятельности, которые не подходят под признаки трёх остальных категорий (последствия черепно-мозговой травмы, нервно-психические расстройства у наркоманов во время наркотического голодания)⁸⁹. При этом важно уточнить, что диагностированное психическое расстройство влечет за собой уголовно-правовые последствия в виде признания лица невменяемым лишь в том случае, если оно достигло такой глубины развития, что его обладатель не

⁸⁵ Курс уголовного права. Особенная часть. Учебник для вузов: в 5 т. Т. IV / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова М.: Зерцало, 2002. С.152.

⁸⁶ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.91.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Курс уголовного права. Особенная часть. Учебник для вузов: в 5 т. Т. IV / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова М.: Зерцало, 2002. С.153.

⁸⁹ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.95.

способен осознавать характер совершаемых им действий и осуществлять контроль над ними, то есть при условии соблюдения юридического критерия.

Таким образом, юридический критерий невменяемости носит такое название ввиду того, что именно в результате его установления психопатология приобретает правовое значение. Он определяется двумя установленными признаками: первый – интеллектуальный, второй – волевой, причем для признания лица невменяемым достаточно наличия хотя бы одного из них. Интеллектуальный момент характеризует способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, в то время как волевой момент связан с возможностью субъекта контролировать своё поведение⁹⁰.

Третьим признаком, характеризующим субъект, является обязательное достижение им возраста уголовной ответственности. Так, в соответствии с п. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее на момент совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Ч. 2 ст. 20 УК называет отдельные преступления, при совершении которых ответственность наступает уже с четырнадцати лет, однако деяние, предусмотренное ст.205.2 УК РФ, не относится к их числу.

Анализ перечня деяний, приведённого в ч.2 ст.20 УК РФ, позволяет убедиться в том, что уголовная ответственность с четырнадцати лет устанавливается для большей части преступлений террористической направленности: террористического акта (ст.205), прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст.205.3), участия в террористическом сообществе (ч.2 ст.205.4), участия в деятельности террористической организации (ч.2 ст.205.5), несообщения о преступлении (ст.205.6), захвата заложника (ст.206) и т.д. В научной литературе высказывается мнение⁹¹ о том, что законодатель, формулируя приведенный

⁹⁰ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.95.

⁹¹ Тарбагаев А. Н., Москалёв Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст.205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2016. Вып. 2. С.35.

перечень, необоснованно обошёл стороной деяние, предусмотренное ст.205.2 УК РФ, оставив для него общий возраст уголовной ответственности. Так, А. Н. Тарбагаевым и Г. Л. Москалёвым справедливо отмечается, что преступления террористической направленности посягают на схожие объекты, а потому их социальное значение сопоставимо⁹². Сказанное имеет для нас значение, поскольку снижение возраста уголовной ответственности за определенные деяния обусловлено возможностью осознавать их социальное значение в более раннем возрасте⁹³.

На наш взгляд несмотря на то, что социальное значение таких деяний объективно сопоставимо, субъективно лицом, достигшим четырнадцатилетнего возраста, оно может так не восприниматься. Действительно, подростки, к моменту достижения указанного возраста хотя бы в общих чертах имеют осведомленность о таком явлении как терроризм и об общественной опасности таких деяний как террористический акт, участие в террористическом сообществе и деятельности террористической организации, захват заложника. Но, видится, что представление о том, что высказывание мнения, провозглашение лозунгов, распространение определенного рода материалов в некоторых случаях обладает социальным значением, сопоставимым с совершением террористического акта, в таком возрасте еще в полной мере не сформировано. В особенности это актуально для деяний, предусмотренных ч.2 ст.205.2 УК РФ: в современном обществе, главным образом в молодежной среде, существует тенденция преуменьшать значимость и опасность опубликованного и транслируемого в Интернете. Именно поэтому представляется, что выбор общего возраста уголовной ответственности за деяние, предусмотренное ст.205.2 УК РФ, обоснован и пересмотра подхода не требует.

⁹² Тарбагаев А. Н., Москалёв Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст.205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2016. Вып. 2. С.35.

⁹³ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2013. С.91

Ст.205.2 УК РФ не содержит указания на какие-либо дополнительные признаки, помимо условий, предусмотренных ст.19 УК РФ, соответственно, анализируемое преступление совершается общим субъектом. Таким образом, субъектом публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

Под субъективной стороной преступления в доктрине уголовного права понимается психическая деятельность субъекта, связанная с совершением преступления⁹⁴. Традиционно в науке уголовного права принято считать, что субъективная сторона преступления включает в себя один обязательный признак, присущий всем деяниям, запрещённым уголовным законом, — вину, и два факультативных признака, которые имеют уголовно-правовое значение лишь для части деяний, — мотив и цель⁹⁵. Однако необходимо заметить, что при закреплении факультативного признака в диспозиции конкретной статьи Особенной части УК РФ, для данного состава он становится обязательным и учитывается в процессе уголовно-правовой квалификации.

Действующей редакцией УК РФ не даётся легальное определение понятию «вина», однако называются её основные формы с раскрытием их содержания. Сравнив законодательные дефиниции двух основных форм вин, закреплённых в ст.25 и 26 УК РФ, и вычленив отличительные признаки каждой из них, можно сформулировать общее определение вины. Под виной следует понимать психическое отношение лица к совершенному общественно опасному деянию и наступившим общественно опасным последствиям. Как уже было сказано, вина существует в двух формах — умысла и неосторожности. Каждая из форм, в свою очередь, внутри подразделяется еще на две более узкие категории — виды: так, умысел

⁹⁴ Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С.162.

⁹⁵ Там же.

бывает прямым и косвенным, а неосторожность может проявляться в виде легкомыслия или небрежности.

Вина характеризуется интеллектуальным и волевым моментом. Интеллектуальный момент характеризует способность лица осознавать характер совершаемых им действий (действия), понимать как фактическую сторону совершаемого деяния, так и его социальный смысл⁹⁶. Именно интеллектуальным признаком определяется осознание общественной опасности своего поведения и предвидение тех опасных последствий, к которым оно способно привести. Волевой же момент представляет собой сознательное направление умственных и физических усилий на принятие решения, достижение поставленных целей, удержание от действий, выбор и осуществление определенного варианта поведения и т.д.⁹⁷ Специфика сочетания интеллектуальных и волевых признаков, а также степень полноты и интенсивности выражения каждого из них и позволяет определить форму вины и её вид в каждом конкретном случае совершения преступного деяния.

Анализ научной литературы по теме⁹⁸ позволяет утверждать, что в отношении формы вины, с которой могут совершаться публичные призывы к террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма, в научной литературе сложилась единая точка зрения: все деяния, предусмотренные ст.205.2 УК РФ, могут совершаться лишь в форме прямого умысла. В соответствии с ч.2 ст.25 УК РФ преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно

⁹⁶ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. С. 155.

⁹⁷ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. С. 155.

⁹⁸ Тарбагаев А. Н., Москалёв Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст.205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2016. Вып. 2. С.35., Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации. // Уголовное право. №6. М., 2018. С.9.; Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации. // Самарский филиал Саратовского юридического института МВД РФ. №1. Самара, 2007. С.4.

опасных последствий и желало их наступления. Здесь необходимо вспомнить о том обстоятельстве, что состав анализируемого преступления является формальным, как было установлено ранее в работе, а, следовательно, какие-либо общественно опасные последствия лежат за пределами его объективной стороны. Именно поэтому при совершении преступлений с формальными составами интеллектуальный момент прямого умысла заключается в осознании общественной опасности запрещенных уголовным законом действий, а волевой предполагает желание их совершить⁹⁹. Предельно ясно, что лицо, соответствующее признакам субъекта преступления, совершая любое из предусмотренных ст.205.2 УК РФ деяний, осознает, что, обращаясь к адресатам с посылом, побуждающим к осуществлению террористической деятельности, публично выражая свое одобрение идеологии и практики терроризма, распространяя материалы и информацию, формирующие у людей представление о привлекательности терроризма и допустимости осуществления террористической деятельности, создаёт серьёзную угрозу общественной безопасности, и желает совершения таких действий. Таким образом, возможность совершения деяний, предусмотренных ст.205.2 УК РФ, с прямым умыслом не вызывает никаких сомнений.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности совершения деяния, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, с косвенным умыслом. В доктрине отечественного уголовного права сложилась точка зрения о том, что преступления с формальным и усечённым составом не могут совершаться с косвенным умыслом¹⁰⁰. В соответствии с ч.3 ст.25 УК РФ косвенный умысел при совершении деяний с материальным составом предполагает, что лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо

⁹⁹ Кондрашова Т. В. К вопросу о возможности косвенного умысла и легкомыслия в формальных составах преступления. // Пенитенциарная наука. 2008. С.37.

¹⁰⁰ Тарбагаев А. Н., Москалёв Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст.205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2016. Вып. 2. С.35.

относилось к ним безразлично. Соответственно, если допустить, что совершение преступления с формальным составом возможно с косвенным умыслом, тогда его интеллектуальный момент будет характеризоваться осознанием общественной опасности деяния, а волевой момент выражаться в нежелании, но сознательном допуске совершения преступных действий либо безразличном отношении к этому. Сложно представить ситуацию, при которой лицо не желает совершать действия, но сознательно допускает, что он может их совершить — представляется, что такое отношение к собственному поведению у субъекта присутствовать не может, поскольку оно напрямую зависит от него самого и находится под абсолютным его контролем. Возможность безразличного отношения к своим же собственным действиям тоже вызывает сомнения. В силу всего вышеизложенного считаем, что необходимо согласиться с доктринальной позицией о том, что субъективная сторона преступлений с формальным составом, к которым в том числе относится деяние, предусмотренное ст.205.2 УК РФ, характеризоваться косвенным умыслом не может.

Содержание понятия «цель» в уголовно-правовой доктрине сводится к представлению о желаемом результате, к достижению которого стремится лицо, совершая преступление¹⁰¹. Анализ разъяснений, предоставленных Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам террористической направленности», позволяет сделать вывод о том, что публичные призывы должны совершаться со специальной целью — побуждением других лиц к осуществлению террористической деятельности. Соответственно, установленной целью может быть определено и содержание обращений, квалифицируемых в качестве публичных призывов, — они обязательно должны любым способом склонять других лиц к совершению террористических преступлений.

¹⁰¹ Курс уголовного права. Особенная часть. Учебник для вузов: в 5 т. Т. IV / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова М.: Зерцало, 2002. С.184.

В части публичного оправдания терроризма законодатель не предполагает наличия цели как обязательного признака. Тем не менее, представляется очевидным, что определённый желаемый результат деяния всегда имеется в представлении лиц, совершающих преступление, поскольку любая человеческая деятельность целесообразна (например, изменение внутренней или внешнюю политику государства и т.д.¹⁰².)

Что же касается третьего деяния, образующего объективную сторону ч.1 ст.205.2 УК РФ, то при анализе легальной дефиниции пропаганды терроризма, содержащейся в прим. 1.1. к ст.205.2 УК РФ, особо примечательным представляется указание на то, что распространяемые материалы или информация должны быть «направлены на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности». Таким образом, и пропаганда терроризм предполагает наличие предвосхищаемого субъектом результата в виде формирование у адресата идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности. Соответственно, наряду с виной в форме прямого умысла обязательным признаком пропаганды терроризма является цель¹⁰³.

Под мотивом в теории уголовного права понимается осознанное побуждение лица, обуславливающее совершение им общественно опасных деяний¹⁰⁴. Несмотря на то, что диспозиция ч.1 ст.205.2 УК РФ не предусматривает какого-либо мотива в качестве обязательного признака данного преступления, у лица могут быть самые разные внутренние побуждения к совершению публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и

¹⁰² Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации. // Самарский филиал Саратовского юридического института МВД РФ. №1. Самара, 2007. С.4.

¹⁰³ Москалев Г.Л. Пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) [Электронный ресурс] // Г. Л. Москалев // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 6. С. 79 - 87. // Режим доступа: <https://nbpublish.com/> 5

¹⁰⁴ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.И. Гладких. М.: Международный юридический институт, 2012. С.46.

пропаганды терроризма, включая религиозный фанатизм, политическую ненависть и так далее. Принимая во внимание тот факт, что в данном случае мотивы лежат за пределами состава и не влияют на уголовно-правовую квалификацию, их установление, тем не менее, представляется важной задачей. Обусловлено это, во-первых, тем, что мотивы, как и цели, учитываются при индивидуализации наказания в качестве смягчающих и отягчающих обстоятельств. Во-вторых, представляется, что в целях эффективного противодействия терроризму к исследованию преступлений террористической направленности необходимо подходить комплексно, не ограничиваясь их анализом строго в рамках состава, закрепленного в диспозиции уголовно-правовой нормы.

2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма в международном уголовном праве

Систематически демонстрируя способность приводить к последствиям катастрофических масштабов, терроризм превратился в глобальную угрозу современности и внушил чувство незащищенности каждому члену мирового сообщества. Вследствие осознания того факта, что в существующих реалиях самостоятельное сопротивление террористической угрозе больше не представляется эффективным, лидерами государств было решено пойти по пути координации усилий и образовать систему международного сотрудничества по противодействию терроризму. Организация взаимодействия государств в области борьбы с террористической деятельностью закономерно потребовала создания качественной правовой базы: основной нормативно-правовой массив, регулирующий вопросы противодействия терроризму, был сформирован принятием универсальных (Гаагская Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., Монреальская Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г., Римская Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г., и др.) и региональных (Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г., Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г., Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г., и др.) международных договоров, а также рядом протоколов к ним.

Первоначально принимаемыми международными договорами по вопросам противодействия террористической деятельности осуществлялась криминализация террористических преступлений, непосредственно сопряженных с насилием или угрозой применения насилия, лишением других лиц свободы, причинением значительного имущественного ущерба, а

также регламентировались вопросы уголовной ответственности за совершения покушения на такие деяния и соучастие в них. На современном же этапе развития конвенционного направления международного сотрудничества возникла и продолжает развиваться тенденция установления уголовной ответственности за деяния, создающие условия и предпосылки для осуществления террористических преступлений с большей степенью общественной опасности, криминализованных более ранними актами¹⁰⁵. В теории уголовного права нормам, закрепляющим составы описанных преступлений, присвоена характеристика «с двойной превенцией»: они способны оказывать двойное превентивное воздействие, то есть предупреждать не только предусмотренные ими преступные деяния (первичное превентивное воздействие), но и другие преступления (вторичное превентивное воздействие)¹⁰⁶.

Наиболее ярко выделенная тенденция, безусловно, проявилась в Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, принятой в Варшаве 16 мая 2005 г., впервые на международном уровне установившей правовой запрет на совершение публичного подстрекательства к совершению террористической деятельности, вербовку террористов и подготовку террористов. Так, анализ норм, описывающих перечисленные виды противоправного поведения, позволяет заметить, что каждым из них подготавливается почва для совершения террористических преступлений, предусмотренных иными международными соглашениями: при публичном подстрекательстве распространяются обращения, образующие умысел на совершение данных преступлений у лиц, к которым они направлены, вербовка террористов предполагает формирование кадров для совершения обозначенных деяний, а в ходе подготовки террористов субъектом преступления передаются навыки, необходимые для совершения

¹⁰⁵ Шибзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма: дис. ... канд.юр.наук. : 12.00.08 / Шибзухов Заурбек Амурбекович. Москва, 2012. С.21.

¹⁰⁶ Ображиев, К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией / К.В. Ображиев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. №3. 2010. С.168

террористических преступлений. К террористическим преступлениям при этом, по смыслу соглашения, относится любое из преступлений, предусмотренных перечисленными в Приложении к нему договорами (Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., Конвенция с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г., Международная Конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г. и др.)¹⁰⁷.

Российская Федерация, принимавшая самое активное участие в разработке Конвенции, по данным Министерства Иностранных Дел РФ, ратифицировала её первой¹⁰⁸ Федеральным законом от 20.04.2006 г. Как известно, ратифицируя тот или иной международный договор, государство выражает официальное согласие на обязательную силу его предписаний¹⁰⁹. Ратификация данного международного соглашения потребовала внесения изменений в национальное законодательство, в том числе в части дополнения перечня деяний, запрещённых уголовным законом, публичным подстрекательством к совершению террористического преступления.

Необходимость включения норм, описывающих признаки конкретных составов преступлений, в национальное законодательство устанавливается внутригосударственными правовыми актами Российской Федерации и обуславливается невозможностью непосредственного применения международных договоров, содержащих указанные нормы. В соответствии с ч.3 ст.5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно, в то время как для

¹⁰⁷ Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс]: принята 16 мая 2005 года // Официальный сайт Совета Европы. Режим доступа: <https://www.coe.int/>

¹⁰⁸ В связи со вступлением в силу Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Иностранных Дел РФ. Режим доступа: <https://www.mid.ru/>

¹⁰⁹ Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний / А. К. Князькина // Lex Russica. 2015. С.78.

осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты»¹¹⁰. При этом к признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, относится содержание в договоре указаний на обязательства государств-участников по внесению изменений в их внутреннее законодательство¹¹¹. Сказанное конкретизируется в п.6 анализируемого Постановления Пленума: «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним законом»¹¹².

Так, в соответствии с ч.2 ст.5 Конвенции Советов Европы на государство, подписавшее договор, прямо возлагается обязанность установления уголовной ответственности за публичное подстрекательство к совершению террористического преступления¹¹³. Таким образом, обязательным условием для применения предписаний ст.5 Конвенции являлась их имплементация в национальный акт — Уголовный Кодекс Российской Федерации. Надо сказать, что в данном случае законодателем была продемонстрирована способность оперативного реагирования на возникшую потребность внесения изменений в законодательство: 27.07.2006

¹¹⁰О международных договорах Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ ред. от 08.12.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

¹¹¹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 11 в ред. от 05.03.2013 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

¹¹² Там же

¹¹³ Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс]: принята 16 мая 2005 года // Офиц. сайт Совета Европы. Режим доступа: <https://www.coe.int/>

г., по прошествии трёх месяцев со дня ратификации международного договора, Уголовный Кодекс Российской Федерации был дополнен ст.205.2, установившей уголовную ответственность за публичные призывы к террористической деятельности или публичное оправдание терроризма.

Исследование признаков публичного подстрекательства к совершению террористического преступления и рассмотрение на этой основе вопроса о соответствии содержания ст.205.2 УК РФ положениям Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма представляет особую значимость по ряду причин. Прежде всего, введением уголовно-правового запрета на осуществление публичных призывов к террористической деятельности, законодателем реализуется принцип добросовестного выполнения обязательств по международному договору. Представляется очевидным, что эффективность международного сотрудничества в борьбе с любым видом преступности напрямую зависит от качества выполнения взятых на себя обязательств каждым из государств. Вместе с тем говорить о качественном выполнении обязательств Российской Федерацией следует лишь при условии, что вводимая норма содержательно соответствует предписаниям международного договора.

Помимо обозначенной причины, необходимо также вспомнить о том, что Конституция Российской Федерации не только признает международные договоры РФ частью национальной правовой системы, но и наделяет их юридической силой, превосходящей федеральные законы¹¹⁴. Вместе с тем, в Уголовном Кодексе Российской Федерации закреплено положение о том, что новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в него, а преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом¹¹⁵. В совокупности сказанное наводит на мысль о том, что на практике

¹¹⁴ Конституция Российской Федерации: [Электронный ресурс]: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Справочная правовая система «Консультант плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 23.04.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

приоритет норм международного уголовного права заключается, главным образом, в том, что государство обязано обеспечить соответствие национального уголовного законодательства действующим международным договорам¹¹⁶.

Безусловно, наиболее точно данное соответствие может быть обеспечено за счёт текстуального воспроизведения международно-правового запрета в норме национального акта. Однако приёмы имплементации не исчерпываются дословным заимствованием (рецепцией)¹¹⁷. Так, включение предписаний ст.5 Конвенции Совета Европы в УК РФ производилось в форме адаптации: принимая за основу перечисленные в международном акте признаки преступления, законодатель формулирует внутригосударственный уголовно-правовой запрет с учётом правовых обычаев и традиций собственной национальной системы, специфики юридической техники и т.д. В связи со сказанным содержание имплементируемых норм может быть расширено или сужено, в результате чего включенная национальная норма не в полной мере корреспондирует положениям международного договора. Именно поэтому целью сравнительного анализа положений ст.205.2 УК РФ и предписаний ст.5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма выступает установление целесообразности и обоснованности расхождений, допущенных законодателем в процессе имплементации.

Публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, как и все преступления террористического характера, относится к категории преступлений международного характера¹¹⁸. Под преступлениями международного характера необходимо понимать деяния, посягающие на законные интересы и прерогативы нескольких или всех

¹¹⁶ Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права : монография / К.В. Ображиев. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 88.

¹¹⁷ Попаденко Е.В. Особенности техники имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство России / Е.В. Попаденко // ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА: ЧЕЛОВЕК В ГОСУДАРСТВЕ : сб. науч. ст. / Ижевский институт. Ижевск, 2019. С. 408.

¹¹⁸ Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право : учебное пособие для магистрантов / Л.В. Иногамова-Хегай. Москва : ООО «Проспект», 2014. С.85.

государств, представляющие собой вследствие этого международную общественную опасность, признаваемые таковыми по договоренности между государствами, получая в многосторонних конвенциях соответствующую международно-правовую оценку¹¹⁹. Преступления международного характера в целом посягают на общественные отношения по международному сотрудничеству государств в различных областях¹²⁰, тогда как объектом преступлений террористического характера, включая деяние, предусмотренное ч.1 ст.5 Конвенции Совета Европы, выступают общественные отношения по международному сотрудничеству государств в области обеспечения общественной безопасности¹²¹. Как представляется, имплементируя положения международных договоров, законодатель помещает вводимые положения в главы Уголовного Кодекса, в наибольшей степени соответствующие содержанию норм. В данном случае, представляется очевидным, что законодателю удалось достигнуть необходимого соответствия, поскольку ст.205.2 УК РФ находится в главе 24, посвященной преступлениям, посягающим на общественную безопасность.

Исходя из определения публичного подстрекательства, закреплённого в ч.1 ст.5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма¹²², объективная сторона публичного подстрекательства к совершению террористического преступления образуется распространением или иным представлением обращения к общественности. Разъяснения относительно того, что необходимо понимать под некоторыми терминами, используемыми в норме, предоставлены докладом к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, который является актом официального толкования данного договора: так, согласно п.102, термин «представление» («making available» в аутентичном тексте Конвенции) предполагает, что обращение должно выражаться способом, делающим его легко доступным

¹¹⁹ Князькина А.К. Указ. соч. С.75.

¹²⁰ Коновалова Е.В. Объект преступлений международного характера / Е.В. Коновалова // Юридическая мысль. 2014. №1(81). С.116.

¹²¹ Иногамова-Хегай, Л.В. Указ. соч. С.74.

¹²² Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс]: принята 16 мая 2005 года // Официальный сайт Совета Европы. — Режим доступа: <https://www.coe.int/>

для общественности, например, путём размещения в Интернете или за счёт создания гиперссылок, облегчающих доступ к нему¹²³. «Распространение» (distribution) же представляет собой один из способов представления, при котором обращение наиболее активно транслируется общественности, становится доступным для наиболее широкого круга лиц (active dissemination)¹²⁴. В тексте доклада также приводится примерный перечень способов и методов, использованием которых можно сделать, обращения общедоступными — это, например, печатные публикации или выступления в местах, доступных для других людей, использование средств массовой информации или электронных средств, в частности Интернета. Таким образом, обращение, побуждающее к совершению террористического преступления, может быть доведено до сведения других лиц любым способом, которым обеспечивается его общедоступность.

Из приведённых выше формулировок следует, что ещё одним признаком, характеризующим публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, является его публичный характер, т.е. направленность к общественности. В докладе к Конвенции данный признак раскрывается следующим образом: использование термина «общественность» (the public) делает очевидным, что частные беседы находятся за рамками регулирования данного положения¹²⁵. В силу сказанного, публичным подстрекательством следует считать представление обращения, побуждающего к совершению террористического преступления, к двум и более лицам.

По смыслу ч.1 ст.5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, обращениями с целью побуждения к совершению террористического преступления необязательно должны пропагандироваться непосредственно террористические преступления. Сказанное, по мнению

¹²³Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс] : adopted by Council of Europe, 16th May 2006 // Официальный сайт документов ООН. Режим доступа: <https://undocs.org/>

¹²⁴Там же.

¹²⁵ Там же.

З.А. Шибзухова, позволяет утверждать, что анализируемая норма международного договора указывает на две формы осуществления публичного подстрекательства к совершению террористического преступления — непосредственное подстрекательство к совершению террористических преступлений и косвенное подстрекательство (завуалированное)¹²⁶. Примечательно, что аналогичным образом анализируемая норма толкуется зарубежными исследователями вопросов международного уголовного права: так, А.Петшэ и Д.Г. Барнум утверждают, что дефиницией ч.1 ст.5 Конвенции охватывается непосредственная и косвенная формы подстрекательства террористических преступлений, конкретизируя при этом, что под последней необходимо понимать прославление террористической деятельности (*apologie du terrorisme* или *glorification* в англоговорящих государствах)¹²⁷. Как отмечается Э.Хантом в его статье, посвященной анализу Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, «прославление» предполагает публичное выражение похвалы, поддержки или оправдания террористической деятельности и/или террористов, тогда как «подстрекательство в непосредственной форме» своим содержанием охватывает целенаправленные и конкретные призывы других людей к совершению террористического преступления¹²⁸. Соответствие сказанного реальному положению дел подтверждается положениями пояснительного доклада к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма: так, в параграфе 98 в качестве примера косвенной формы публичного подстрекательства к совершению террористического преступления приводится «публичное признание совершения террористического преступления необходимым и оправданным»,

¹²⁶ Шибзухов З. А. Указ. соч. С.21 Объект преступлений международного характера / Е.В. Коновалова // ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ. 2014. №1(81). С.116.

¹²⁷ Petzsche, A. The Penalization of Public Provocation to Commit a Terrorist Offence – Evaluating Different National Implementation Strategies of the International and European Legal Framework in Light of Freedom of Expression / A. Petzsche / *EuCLR European Criminal Law Review*. 2017. Volume 3. P. 243; Barnum, D. Indirect Incitement and Freedom of Speech in Anglo-American Law [Электронный ресурс] : Social Science Research Network. Режим доступа : <https://papers.ssrn.com/>

¹²⁸ Hunt, A. The Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс] : ResearchGate. Режим доступа : <https://www.researchgate.net/>

а в параграфе 95 — «распространение обращений, восхваляющих виновника нападения»¹²⁹.

Представляется, что избранный подход при разработке состава является полностью оправданным и в целом должен оцениваться положительно: криминализация лишь тех обращений, в которых содержится требование или предложение совершения террористических преступлений, оставила бы вне рамок правового регулирования большой процент информации, обладающей не менее мощным манипулятивным потенциалом, что по определению не может признаваться эффективной мерой по предупреждению терроризма и отвечать целям осуществляемой деятельности.

На данном этапе видится логичным провести сравнение двух составов по раскрытым признакам и сделать промежуточный вывод. Начать считаем необходимым с сопоставления публичного подстрекательства с публичными призывами. Так, объективная сторона обоих деяний образуется представлением обращений, которые обладают публичным характером и могут быть выражены любым общедоступным способом. Способ совершения, предполагающий использование СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", является квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного ст.205.2 УК, и, соответственно, распространяется не только на публичные призывы, но и на два других деяния объективной стороны, тогда как в Конвенции охватывается основным составом. Доводы в пользу наличия повышенной степени опасности у деяния, совершенного указанным способом, уже были представлены в работе, поэтому, на наш взгляд, отступление от Конвенции в этой части обусловлено объективной потребностью и является обоснованным. Следовательно, в части публичных

¹²⁹ Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс] : adopted by Council of Europe, 16th May 2006 // Официальный сайт документов ООН. Режим доступа: <https://undocs.org/>

призывов к осуществлению террористической деятельности ст.205.2 УК РФ практически полностью соответствует ч.1 ст.5 Конвенции Совета Европы.

Перейдя к анализу законодательной конструкции второго деяния, закреплённого в ст.205.2 УК РФ, на предмет соответствия Конвенции, необходимо заметить, что решение о криминализации публичного оправдания терроризма нередко оценивается учёными¹³⁰ как ошибочное. По мнению некоторых авторов критических замечаний, установление уголовно-правового запрета на совершение публичного оправдания терроризма не связано с выполнением международных обязательств, т.к. ст.5 Конвенции «не содержит в себе ни прямых упоминаний, ни даже опосредованных намеков на данное деяние»¹³¹. Позволим себе согласиться с приведённой позицией лишь в части по следующим соображениям. Как было установлено ранее, ч.1 ст.5 международного договора устанавливает запрет на совершение публичного подстрекательства к совершению террористического преступления в любой форме — как в непосредственной, так и в косвенной. Непосредственная форма подстрекательства по содержанию совпадает с публичными призывами, в то время как косвенная форма в числе прочего может быть выражена в виде публичных заявлений о том, что совершение террористического преступления необходимо, оправданно и заслуживает поддержки, что, в свою очередь, охватывается публичным оправданием терроризма по смыслу УК РФ. Таким образом, российский законодатель, основываясь на расширительном толковании предписаний международного договора, закрепил обе формы публичного подстрекательства к совершению террористического преступления в качестве самостоятельных общественно опасных деяний. На наш взгляд, такой подход не только соответствует предписаниям Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, но

¹³⁰ Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма / С.В. Борисов // Российский следователь. 2007. №19. С.12

¹³¹ Барышников, П.С. Россия и Совет Европы. История, современность и перспективы взаимодействия правовых систем : научно-практическое пособие / П.С. Барышников, К.А. Цай, ЕюС. Шугрина. Москва : Проспект, 2004. С. 179.

и в целом удачен с точки зрения правоприменения, — чем конкретнее изложена норма, тем удобнее она для использования на практике.

Однако, как уже было определено, ст.205.2 УК РФ криминализуется публичное оправдание не только практики терроризма, но и его идеологии, на что в Конвенции Совета Европы действительно не содержится «даже опосредованных намёков». Более того, и в пояснительном докладе к международному договору используются термины «террористические преступления», «террористическое насилие»¹³², которые охватываются практическим аспектом терроризма. Соответственно, криминализация публичного оправдания идеологии терроризма, наряду с публичным оправданием практики терроризма, было осуществлена по собственной инициативе законодателя, в отсутствие международно-правовых оснований, что оставляет поднятый в предыдущей главе вопрос о мотивации и целесообразности данного решения открытым.

Что же касается пропаганды терроризма, то дополнение объективной стороны преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, третьим деянием произошло по инициативе законодателя принятием Федерального Закона от 29.12.2017 №445-ФЗ и не было связано с исполнением обязательств по международному договору. Более того, пропаганда терроризма в целом никак не регламентируется Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма. Указание некоторых авторов¹³³ на то, что Конвенцией государствам-участникам рекомендовано использование термина «пропаганда» (*advocacy*), основывается на том, что в тексте анализируемой нормы договора употребляется глагол «пропагандирует» (*advocating*) для установления форм, в которых может быть совершено публичное подстрекательство. Однако в докладе к Конвенции, дающем разъяснения по вопросам её применения, указанный глагол используется исключительно в контексте характеристики форм публичного подстрекательства и никаким

¹³² Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс] : adopted by Council of Europe, 16th May 2006 //Офиц.сайт документов ООН. Режим доступа: <https://undocs.org/>

¹³³ Борисов С.В. Указ. соч. С.12

иным образом не раскрывается. Кроме того, надо сказать, что ни на международном уровне, ни на национальном уровне стран-участниц не выработана единая терминология¹³⁴ для характеристики деяния, предусмотренного ст.5 Конвенции, поэтому зачастую многие понятия употребляются в качестве синонимов и не разграничиваются по значению. В силу изложенного, позволим себе предположить, что глагол «пропагандирует» используется в данном случае для раскрытия анализируемого деяния и не обладает собственным юридическим значением. Таким образом, основания для анализа третьего деяния, запрещённого диспозицией ст.205.2 УК РФ, на предмет соответствия Конвенции Совета Европы отсутствуют.

Возвращаясь к рассмотрению признаков «публичного подстрекательства к совершению террористического преступления», отметим, что для квалификации деяния в качестве публичного подстрекательства недостаточно факта обращения к общественности с сообщением, имеющим своей целью побудить к совершению одного из террористических преступлений, — необходимо, чтобы таким обращением создалась реальная опасность наступления данных последствий. Следовательно, анализируемый состав предполагает в качестве обязательного признака не наступление общественно опасных последствий, но его угрозу. Сказанное подтверждается ст.8 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, где говорится, что «фактическое совершение террористического преступления необязательно для признания деяния публичным подстрекательством»¹³⁵. Таким образом, с точки зрения российской уголовно-правовой доктрины состав публичного подстрекательства сконструирован по типу состава создания опасности и

¹³⁴ Petzsche, А. Указ. соч. Р. 243

¹³⁵ Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс]: принята 16 мая 2005 года // Официальный сайт Совета Европы. Режим доступа: <https://www.coe.int/>

считается оконченным с момента создания опасности совершения террористических преступлений¹³⁶.

Необходимо заметить, что ни в тексте уголовного закона, ни в Постановлении Пленума не содержится указания на рассмотренный признак, а преступление, предусмотренное ст.205.2 УК РФ, оканчивается моментом выполнения одного из деяний и обладает формальным составом. На наш взгляд, отечественным законодателем тем самым допущено серьёзное упущение, поскольку данный признак имеет потенциал выступать в качестве своеобразного «фильтра» для правоприменителя и препятствовать привлечению к уголовной ответственности за малозначительные деяния.

Наличие у рассматриваемого деяния такой характеристики как создание опасности совершения террористического преступления сыграло определяющую роль при выборе терминологии для обозначения преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, отечественным законодателем. Дело в том, что и в международном уголовном праве¹³⁷, и в рамках российской правовой системы квалификация деяния в качестве подстрекательства к какому-либо преступлению возможна лишь при условии, что данное преступление было совершено, поэтому поведение, запрещенное ст.5 Конвенции, «по своей юридической природе не является подстрекательством в собственном смысле данного термина»¹³⁸. Именно поэтому, на наш взгляд, решение отказаться от использования термина «публичное подстрекательство» в названии нормы при её введении в российский уголовный закон следует оценивать положительно.

Перейдя к характеристике субъекта преступления, предусмотренного ч.1 ст.5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, отметим, что указанная норма договора не раскрывает его признаки, что, в целом, свойственно большинству международных актов. Основываясь на сказанном, логично предположить, что Конвенция Совета Европы предоставляет

¹³⁶ Шибзухов З.А. Указ соч. С.30

¹³⁷ Римский Статута Международного уголовного суда [Электронный ресурс] : принят в г. Рим 17.07.1998 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/>

¹³⁸ Шибзухов З.А. Указ соч. С.31

государствам-участникам, имплементирующим норму во внутреннее законодательство, право самостоятельно определить признаки субъекта преступления в соответствии с положениями национальных актов. Признаки субъекта преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, были исчерпывающе определены в первой главе настоящего исследования, поэтому возвращаться к ним считаем нецелесообразным.

Примечательно, что ст.10 анализируемой Конвенции устанавливает обязанность привлечения юридических лиц к ответственности за участие в совершении публичного подстрекательства, однако оставляет за странами-участницами возможность выбрать конкретный вид ответственности — уголовную, гражданскую или административную. Сказанное, безусловно, не означает, что юридические лица являются субъектами публичного подстрекательства к совершению террористического преступления: анализируемый состав предполагает виновное совершение деяния, а юридические лица не обладают такой характеристикой как «вина».

Наконец, субъективная сторона публичного подстрекательства к совершению террористического преступления характеризуется умышленной формой вины, о чем прямо сказано в ч.2 ст.5 Конвенции Совета Европы¹³⁹.

При этом вид умысла не уточняется ни в самом договоре, ни в пояснительном докладе к нему. Однако, представляется, что анализируемое деяние, может быть совершено исключительно с прямым умыслом: задаваясь целью побудить других к совершению террористического преступления, субъект априори осознаёт, что его действиями может быть создана опасность совершения обозначенного преступного деяния, и безусловно желает, чтобы она была создана. Что же касается «вариации» анализируемого преступления в российской правовой системе, то совершение публичных призывов к осуществлению террористической

¹³⁹ Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс]: принята 16 мая 2005 года // Официальный сайт Совета Европы. Режим доступа: <https://www.coe.int/>

деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма также возможно исключительно с прямым умыслом.

Ещё одним обязательным признаком субъективной стороны деяния, криминализованного ч.1 ст.5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, выступает цель, а именно побуждение к совершению террористической деятельности. Советом Европы тем самым делается акцент на целенаправленном характере обращений: даже если содержательно высказывания лица, на первый взгляд, соответствуют признакам подстрекательства в прямой или косвенной форме, в отсутствие установления обозначенной цели их квалификация в качестве преступного деяния, запрещённого ч.1 ст.5 Конвенции, недопустима.

По нашему мнению, указание на специальную цель публичного подстрекательства продиктовано соображениями необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов ввиду того, что криминализация данного деяния являет собой существенное ограничение права на свободу выражения мнения. В связи с изложенным, не совсем ясна мотивация российского законодателя признать побуждение к осуществлению террористической деятельности обязательной целью только для непосредственной формы публичного подстрекательства — публичных призывов к осуществлению террористической деятельности. Так, например, высказывания, выражающие поддержку, одобрение террористической деятельности, охватываемые содержанием «публичного оправдания терроризма», шокируют и причиняют беспокойство, однако, по смыслу Европейской Конвенции по правам человека, представляют собой проявление права на выражение мнения¹⁴⁰. В демократическом обществе такое право должно уважаться и не нарушаться ровно до момента, когда его реализация становится общественно опасной. Как нам видится, введение цели в качестве обязательного признака публичного оправдания терроризма

¹⁴⁰ CASE OF LINGENS v. AUSTRIA, [1986] 9815/82 [Электронный ресурс] //HUDOC – European Court of Human rights. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/>

позволит очертить пределы допустимого вмешательства государства и предотвратит бесосновательное нарушение конституционных прав граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение данной работы видится необходимым подытожить выводы, сделанные в результате проведенного анализа особенностей уголовно-правовой регламентации состава преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, в России и в международном уголовном праве.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, являются общественные отношения по обеспечению общественной безопасности, угроза которым создается публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, публичным оправданием терроризма или пропагандой терроризма.

Объективная сторона анализируемого преступления предполагает совершение трёх альтернативных деяний: публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма. Два первых деяния характеризуются публичным способом совершения в качестве обязательного признака. В науке не существует единого представления о критериях публичности, однако Пленумом Верховного Суда РФ в качестве такого предлагается представление обращения или заявления персонально неопределенному кругу лиц. Пропаганда терроризма, в отличие от публичных призывов и публичного оправдания, представляет собой деятельность, а не однократный акт, что превращает его в продолжаемое преступление, а также может осуществляться в отношении одного адресата.

По типу конструирования объективной стороны состав деяния, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, является формальным. В качестве квалифицирующего признака законодателем предусматривается такой способ как «использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»».

Для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма предусмотрен общий субъект преступления: физическое лицо, вменяемое, достигшее общего возраста уголовной ответственности — шестнадцати лет. Последний признак подвергается критике в науке, а возраст уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст.205.2, предлагается снизить до четырнадцати.

Субъективная сторона деяния, запрещенного ст.205.2 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла. Для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и пропаганды терроризма законом в качестве обязательного признака также предусматриваются цели — побуждение к осуществлению террористической деятельности и формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности соответственно.

Говоря о проблемах квалификации и недостатках законодательной конструкции, законодателю особое внимание следует уделить проблеме соотношения родового и видового объекта преступлений, объединенных в главу 24 раздела IX Уголовного Кодекса, требующей определиться более конкретно с объемом каждого из понятий и с содержанием, которым должно наполняться каждое из них.

Породило повод для дискуссий и дополнение объективной стороны преступления третьим альтернативным деянием: дефиниции понятий «публичное оправдание терроризма» и «пропаганда терроризма» сформулированы таким образом, что нововведенное деяние полностью поглощает публичное оправдание. Представляется очевидным, что в процессе правоприменительной деятельности такая ситуация порождает немало проблем.

Ещё одним законодательным «несовершенством» представляется одновременное использование в диспозиции рассматриваемой статьи

терминов «терроризм» и «террористическая деятельность». Такая терминологическая рассогласованность, помимо того, что существенным образом усложняет процесс квалификации деяний и нередко приводит к совершению ошибок в ходе такого процесса, в том числе является не самым положительным показателем для оценки уровня юридической техники.

Активно обсуждается в научной литературе проблема соотношения ст.205.2 и ст. 280 УК РФ: далеко не все учёные понимают и разделяют логику законодателя, выделяющего публичные призывы к осуществлению террористической деятельности в отдельный состав. Представляется, что законодателю необходимо прислушаться к «упрекам» от коллег-теоретиков и рассмотреть возможность изменения выбранного подхода в пользу одного из предлагаемых.

Если говорить о соотношении ст.205.2 УК РФ и ст.205.1 УК РФ, то публичные призывы, публичное оправдание и пропаганда терроризма в отличие от специального вида подстрекательства обладают абстрактным, обобщенным характером и адресованы группе лиц, никак не индивидуализированных для субъекта преступления.

Сравнительный анализ положений ст.5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма и ст.205.2 УК РФ показал, что между двумя составами существуют расхождения, некоторые из которых следует оценить как упущения российского законодателя, в то время как другие являются преимуществом внутригосударственной нормы.

Так, на наш взгляд, законодателем были необоснованно не учтены следующие особенности публичного подстрекательства к совершению террористического преступления:

- создание опасности совершения террористического преступления как обязательный признак;
- наличие специальной цели побуждения к совершению террористического преступления не только для непосредственной

формы подстрекательства (публичных призывов), но и для косвенной (публичное оправдание);

Взятые в совокупности указанные признаки являются гарантиями защиты свободы выражения мнения, что является обязательным неотъемлемым условием существования демократического общества. Отметим, что криминализация российским законодателем публичного оправдания идеологии терроризма представляется сомнительной по тем же причинам.

К преимуществам же законодательной конструкции ст.205.2 УК РФ над предписаниями Конвенции Совета Европы относим:

- отказ от формулировки «публичное подстрекательство» в пользу понятий «публичные призывы» и «публичное оправдание», поскольку обозначенные конструкции точнее отражают суть преступного поведения;
- признание совершения деяний, предусмотренных ст.202.5 УК РФ, с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»» квалифицированным составом, поскольку специфика описанного способа существенно повышает общественную опасность.

В силу всего вышеизложенного представляется, что потребность в глубоком и комплексном изучении признаков состава, предусмотренного ст.205.2 УК РФ, обусловлена не только высокой степенью актуальности применения данной уголовно-правовой нормы как инструмента борьбы с пропагандистскими и агитационными методами террористов, но и большим количеством спорных и неоднозначных моментов, которые продолжают быть не решёнными и требуют системного подхода. Несмотря на систематические изменения, вносимые законодателям в формулировку диспозиции ст.205.2 УК РФ, представляется, что количество проблемных моментов не сокращается, а, скорее, наоборот имеет тенденцию увеличиваться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: [Электронный ресурс]: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Справочная правовая система «Консультант плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс]: принята 16 мая 2005 года // Офиц. сайт Совета Европы. — Режим доступа: <https://www.coe.int/>
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 23.04.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
4. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : закон РФ от 27.12.1992 N 2124-1 в ред. от 01.03.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. О международных договорах Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ ред. от 08.12.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
6. О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : федер. закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ в ред. от 18.03.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. О безопасности [Электронный ресурс] : федер. закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ в ред. от 06.02.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс] : adopted by Council of Europe,

16th May 2006 // Офиц. сайт документов ООН – Режим доступа: <https://undocs.org/>

9. Римский Статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] : принят в г. Рим 17.07.1998 // Электронный фонд правовых и нормативно- технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/>

Судебная практика

10. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 11 в ред. от 05.03.2013 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

11. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 в ред. от 20 сентября 2018 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

12. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 в ред. от 20 сентября 2018 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

13. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2016 г. N 11 в ред. от 03.11.2016 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

14. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.03.2014 по делу № 23-АПУ14-4 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

15. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 19.09.2017 N 203-АПУ17- [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

16. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28.09.2017 N 205-АПУ17-33 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: – <http://www.consultant.ru>.

17. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 01.08.2019 N 208-АПУ19 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

18. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2020 N 225-АПУ20-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

19. Приговор Верховного Суда Чеченской Республики № 2-24/2013 2-6/2014 от 27 января 2014 г. по делу № 2-24/2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «СудАкт». – Режим доступа: <https://sudact.ru>

20. Приговор Центрального районного суда г. Хабаровска № 1-367/2014 от 19 сентября 2014 г. по делу № 1-367/2014 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «СудАкт». – Режим доступа: <http://sudact.ru/>.

21. CASE OF LINGENS v. AUSTRIA, [1986] 9815/82 [Электронный ресурс] // HUDOC – European Court of Human rights. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/>

Специальная литература

22. Агапов П. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации. / П. Агапов // Самарский филиал Саратовского юридического института МВД РФ. – 2007. – №1. – С.1-5.

23. Бадамшин С. К. Уголовно-правовые особенности квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / С.К. Бадамшин // Вестник Московского Университета МВД России. – 2017. – №4. – С.75-78.

24. Барышников, П.С. Россия и Совет Европы. История, современность и перспективы взаимодействия правовых систем : научно-практическое пособие / П.С. Барышников, К.А. Цай, Е.С. Шугрина. – Москва : Проспект, 2004. – 320 с.

25. Богомолов С Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд.юр.наук. : 12.00.08 / Богомолов Станислав Юрьевич. – Нижний Новгород, 2016. – 253 с.

26. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978. – 688 с.

27. Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма / С.В. Борисов // Российский следователь. – 2007. – №19. – С.7-12.

28. С. И. Бушмин. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / И. С. Бушмин, Г. Л. Москалев. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. – 173 с.

29. В связи со вступлением в силу Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года [Электронный ресурс] //

Официальный сайт Министерства Иностранных Дел РФ. – Режим доступа:
<https://www.mid.ru/>

30. Густова Э.В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики / Э. В. Густова// Вестник ВИ МВД России. – 2014. – С. 64-68

31. Иванцов, С. В. Преступления террористической направленности: особенности международно-правовой регламентации / С.В. Иванцов, С.К. Бадамшин // Вестник Московского университета МВД России. – №2. – 2019. –С.131-135

32. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право : учебное пособие для магистрантов / Л.В. Иногамова-Хегай. – Москва : ООО «Проспект», 2014. – 112 с.

33. Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма / А. Кибальник, И Соломоненко // Законность. – 2007. – № 2. – С. 1-4.

34. Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний / А. К. Князькина // Lex Russica. – 2015. – С.73-86.

35. Комментарий к Уголовному Кодексу РФ. 2-е изд. / отв. ред. В. И. Радченко. – М. : Проспект, 2010. – 704 с.

36. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический" (постатейный). // под. ред. С.В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2013. – 673 с.

37. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) : в 2 т. Том 2. Особенная часть. / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: «Проспект».– 2018. – 711 с.

38. Кондрашова Т. В. К вопросу о возможности косвенного умысла и легкомыслия в формальных составах преступления. / Т. В. Кондрашова // Пенитенциарная наука. – 2008. – С.36-38.

39. Коновалова Е.В. Объект преступлений международного характера / Е.В. Коновалова // Юридическая мысль. – 2014. – №1(81). – С.116-119.

40. Корнилов А. В. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности / А. В. Корнилов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 4 (10). – С.92-99.

41. Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации. / А. А. Кунашев // Уголовное право. – №6. – М., 2018. – С.1-11.

42. Лагодин А. В. Объективная сторона публичных призывов к совершению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма / А. В. Лагодин // Общество и право. – 2009. – № 1. – С.181-183.

43. Лазарев И. А. Теория безопасности, ее состояние и перспективы развития / И. А. Лазарев // Современные проблемы национально-государственной и межгосударственной безопасности. – М.: Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил РФ. – 1992. – С. 10-14.

44. Лысов Н.Н. О публичных призывах и публичном оправдании терроризма / Н. Н. Лысов // Вестник Северо-Кавказского Федерального Университета. – №.6. – 2013. – С.225-227.

45. Москалев Г.Л. Пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) [Электронный ресурс] // Г. Л. Москалев // Национальная безопасность / nota bene. – 2018. – № 6. – С. 79 - 87. // Режим доступа: <https://nbpublish.com/>

46. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права : монография / К.В. Ображиев. .– М.: Юрлитинформ, 2010. – 504 с.

47. Ображиев, К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией / К.В. Ображиев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – №3. – 2010. –С.167-171.

48. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. / С. И. Ожегов, Н. Ю Шведова. – М., 2003. – 874 с.

49. Очередыко В. А. Уголовная ответственность за оправдание преступления / В.А. Очередыко // Гуманитарные, социальные и экономические науки. – 2019. – С.94-97.

50. Пинкевич Т. В., Черных Е. Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации / Т.В. Пинкевич, Е. Е. Черных // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 141-144.

51. Помнина С.Н., Вахонина Е. Б. Особенности определения признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма / С. Н. Помнина, Е. Б. Вахонина // Социально-политические науки. – 2018. – С. 137-142.

52. Попаденко Е.В. Особенности техники имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство России / Е.В. Попаденко // Верховенство права: человек в государстве : сб. науч. ст. / Ижевский институт. – Ижевск, 2019. – С. 407-410.

53. Пронина М.П. Актуальные проблемы правоприменительной практики при квалификации преступлений террористической направленности / М. П. Пронина // Вестник Российского университета кооперации. – №4. – 2017. – С.141-147

54. Публицист сел за призывы к терроризму [Электронный ресурс] // АО «Коммерсантъ». – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/>

55. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / сост. Т. Н. Москалькова и др. – М. :Спарк. – 1998. – 388 с.

56. Тарбагаев А. Н., Москалёв Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст.205.2 УК РФ): проблемы

уголовно-правовой регламентации и квалификации / А. Н. Тарбагаев, Г. Л. Москалёв // Вестник СПбГУ. Сер. 14. – 2016. – Вып. 2. – С.28-40.

57. Теория состава преступления : учебник / Т.Р. Сабитов, С.И. Сухоруков, С.А. Поляков. – Новосибирск : Изд-во НГТУ. – 2011. – 184 с.

58. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru>.

59. Толковый словарь Ушакова онлайн [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru>.

60. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.И. Гладких. – М.: Международный юридический институт. – 2012. – 741 с.

61. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М.: Статут. – 2012. – 466 с.

62. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. – М.: Статут. – 2012. – 944 с.

63. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. А. И. Чучаева. – М.: Контракт, ИНФРА-М. – 2013. – 575 с.

64. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. – 2016. – 413 с.

65. Фролов, М. Г. К вопросу о разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм». / М. Г. Фролов // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – №10. – 2017. – С.165-169.

66. Шабзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма: дис. ... канд.юр.наук. : 12.00.08 / Шабзухов Заурбек Амурбекович. – Москва, 2012. – 181 с.

67. Щерблыкина И.В., Степин Д.С. Проблемы противодействия публичным призывам к террористической деятельности и публичному

оправданию терроризма. / И. В. Щерблыкина, Д. С. Степин // Преступность, уголовная политика, закон. – 2016. – С.269-276.

68. Юристам готовят уголовку [Электронный ресурс] // Информационное Агентство «РБК». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/>

69. Barnum, D. Indirect Incitement and Freedom of Speech in Anglo-American Law [Электронный ресурс] : Social Science Research Network. – Режим доступа : <https://papers.ssrn.com/>

70. Hunt, A. The Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism [Электронный ресурс] // ResearchGate. – Режим доступа : <https://www.researchgate.net/>

71. Petzsche, A. The Penalization of Public Provocation to Commit a Terrorist Offence – Evaluating Different National Implementation Strategies of the International and European Legal Framework in Light of Freedom of Expression / A. Petzsche / EuCLR European Criminal Law Review. – 2017.– Volume 3. – P. 243-257

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический
институт

Уголовного права
кафедра

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 А.Н. Тарбагаев
подпись инициалы, фамилия

«21» 06 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 – Юриспруденция
код – наименование направления

Уголовно-правовая регламентация состава преступления, предусмотренного

ст.205.2 УК РФ
тема

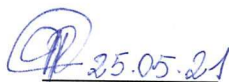
Руководитель

 25.05.21
подпись, дата

доцент, к.ю.н.
должность, ученая степень

Г.Л. Москалёв
инициалы, фамилия

Выпускник

 25.05.21
подпись, дата

Е.С. Фролова
инициалы фамилия

Красноярск 2021